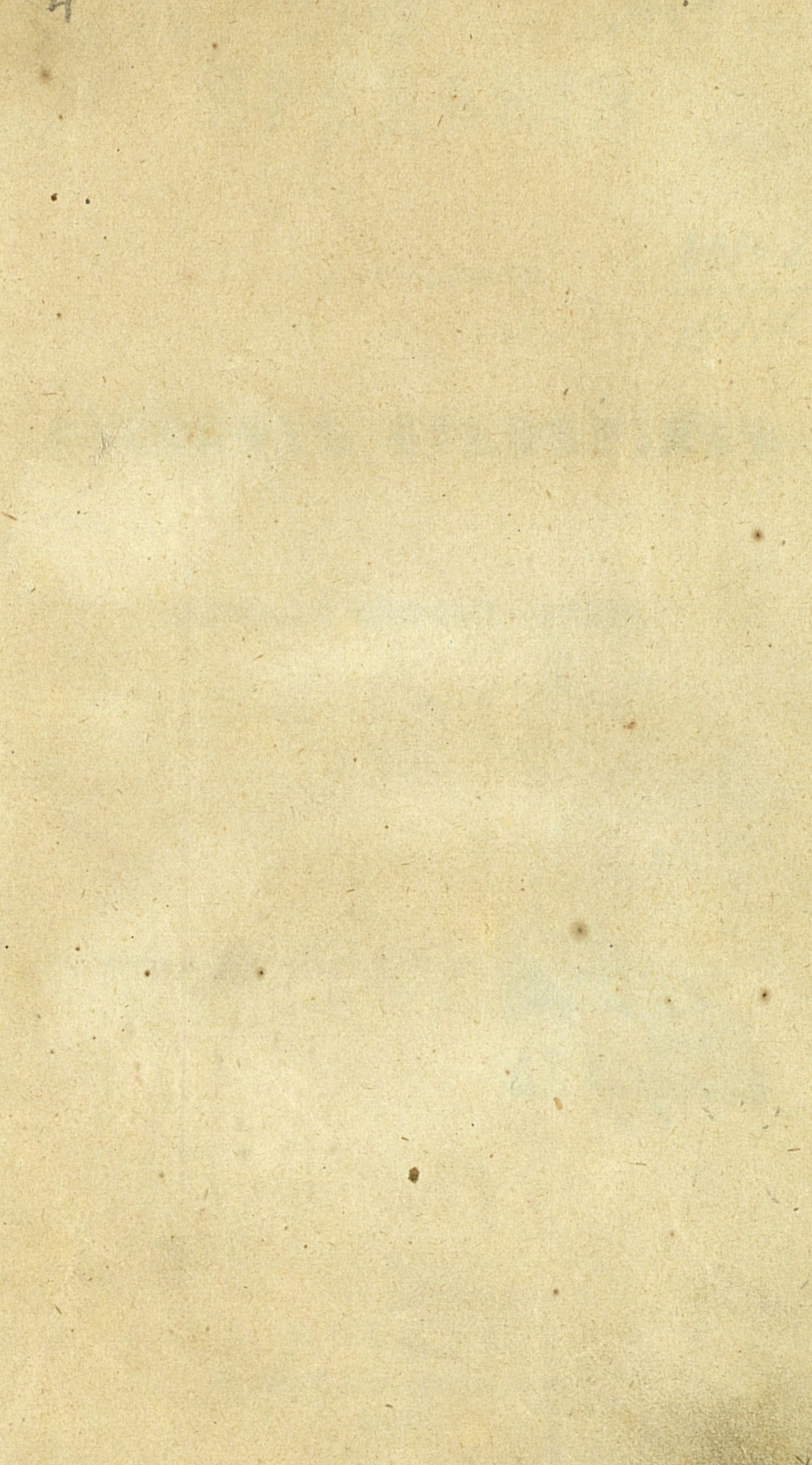

2115

ПРЕДАНІЯ

О НАРОДНЫХЪ

РУССКИХЪ СУЕВѢРІЯХЪ

ПОВѢРЬЯХЪ И НѢКОТОРЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ.

Заимствовано изъ «Словаря Русскихъ суевѣрій», изданнаго въ 1782 году.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕРГѢЯ ОРЛОВА.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15 Мая, 1861 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ жизни Русскаго народа есть много такихъ элементовъ, что мы сочли нужнымъ, можемъ сказать, необходимымъ раскрыть ихъ, дабы чрезъ то показать историку характеръ и жизнь народа, который стоитъ въ главѣ Европейскаго могущества; а между тѣмъ многимъ изъ любознательныхъ покажется нелишнимъ пробѣжать предлагаемую книгу какъ фактъ, который можетъ заинтересовать неоднихъ ученыхъ, но и всѣхъ мыслящихъ людей.

АГРАФЕНИНЪ ДЕНЬ.

АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА.

Іюня 23 дня Церковь празднуетъ память святыя мученицы Агрипины, которая въ простонародіи прозвана Купальницею по слѣдующей причинѣ:

Древніе Славяне признавали идола Купало богомъ плодовъ, и праздновали ему 23 и 24-го Іюня. Разложивъ огонь, они плясали передъ нимъ, производили разныя игры и перескакивали черезъ него, часто припѣвая имя Купалово, за это ожидали они въ тотъ годъ изобилія плодовъ и великаго урожая. Слѣды этого языческаго обряда остались во многихъ деревняхъ и между нынѣшними христіанами, а потому Святая Агрипина всѣми простолюдинами и называется Купальницею, по производству этого прозванія отъ имени идола Купало.

Къ числу мѣстъ, почитавшихся у древнихъ язычниковъ за святыя, принадлежитъ и находящаяся по Рижской дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ Санктпетербура, липа, вѣтви которой, переплетаясь съ отраслями ближайшихъ деревъ, составляютъ какъ бы природную бесѣдку, замѣчательную еще тѣмъ, что Императоръ Петръ Великій неоднократно отдыхалъ подъ ея тѣнью. На этомъ мѣстѣ, наканунѣ Иванова дня, то есть на Аграфенинъ день сходятся Ижорки, и разложивъ большіе огни, препровождаютъ всю ночь, распѣвая пѣсни, въ которыхъ повторяется имя Купало; потомъ сожигаютъ бѣлаго пѣтуха, начинаютъ плясать, скакать, и вся эта сцена, совершаемая въ ночномъ мракѣ, при заревѣ пылающихъ огней, заключаетъ въ себѣ что-то фантастическое и необыкновенное въ нашемъ теперешнемъ христіанскомъ быту.

АДАМОВА ГОЛОВА.

Такъ называется трава, которою окуриваютъ плёницы или силки, разставляемые для ловли дикихъ утокъ; однако это окуриваніе должно производить въ четвертокъ на Страстной недѣлѣ или, въ противномъ

случаѣ, по мнѣнію суевѣровъ, оно будетъ не дѣйствительно, и на силки не поймается ни одной утки.

АЛАНЕ,

или Олонмены, такъ называемые, жители Олонецкой губерніи. Этотъ Славянскій народъ не имѣлъ ни боговъ, ни храмовъ, ни жрецовъ; но, вынувъ саблю изъ ноженъ и воткнувъ ее въ землю, покланялся ей какъ богу Марсу, почитавшемуся правителемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили битвы. Нѣкоторые изъ этого народа предсказывали будущее по раскладыванію и разбиранію въ опредѣленное время прутиковъ съ наговариваніями и торжественными обрядами, всегда имѣющими такое сильное вліяніе на умы людей суевѣрныхъ.

АНТИХРИСТЪ,

то есть, противникъ Христу. Раскольники утверждаютъ, что Антихристъ воцарился уже мысленно, въ то самое время, какъ началось въ Москвѣ исправленіе церковныхъ книгъ, что Москва есть Вавилонъ

и престолъ Антихристова царства, и что настало уже время пришествія Христова; по этому нѣкоторые, зажигая свѣчу, молятся ночью всегда до пѣнія пѣтуховъ, въ ожиданіи Страшнаго суда, и потомъ уже ложатся спать.

БАРАНЪ КАМЕННЫЙ.

Камчадалы, когда желаютъ найдти неизвѣстнаго вора, похитившаго вещи, принадлежащія другому, жгутъ становыя жилы этого барана, при многочисленномъ собраніи постороннихъ людей и въ присутствіи Шамановъ, потому что, по ихъ мнѣнію, какъ сводитъ огнемъ жилы, такъ точно послѣ того судороги схватываютъ и корчатъ похитителя.

БѢРЕЗА.

Нѣкоторые изъ древнихъ Чудскихъ народовъ обитали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было очень мало лѣсу, а березовыхъ деревъ и вовсе не находилось. Наконецъ увидѣли они не только на степяхъ своихъ, но и внутри

самыхъ жилищъ возрастающія березовыя деревья. Это, не свойственное странамъ ихъ, растеніе, покрытое бѣлою корою, привело суевѣрныхъ въ несказанный ужасъ. Они прибѣгли къ гаданію, и волхвы ихъ разсказали имъ, что это предвѣщаетъ завоеваніе ихъ земель бѣлымъ Царемъ, потому что это растеніе переселилось къ нимъ изъ его владѣній. Легкомысленный народъ, повѣривъ этому предсказанію, оставилъ свои города и жилища и перебрался въ другія мѣста.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

Суевѣрные утверждаютъ, что когда птица проспитъ благовѣщенскую заутреню или въ этотъ день завьетъ гнѣздо, то въ наказаніе отнимаются у ней на нѣсколько времени крылья, и она не можетъ летать, но ходитъ по землѣ.

БОРОДА.

Раскольники почитаютъ этотъ пучекъ волосъ важнѣе всѣхъ прочихъ своихъ членовъ и дороже самой головы. По ихъ мнѣнію, они съ бородою составляютъ образъ и подобіе Божіе. Глупцы не размышляютъ

о томъ, что Богъ есть Духъ, что плоть наша ни малѣйшаго подобія Его составить не можетъ и что если представляютъ Его въ образѣ человѣческомъ, то это для того только, чтобъ Высочайшее Существо было какъ бы осязательнѣе для нашихъ земныхъ чувствъ. Основываясь на такомъ ложномъ и превратномъ понятіи, раскольники готовы скорѣе лишиться головы, нежели бороды. Въ это заблужденіе ввели они многихъ легковѣрныхъ и въ исторіи Петра Великаго, приказавшаго брить бороды, мы увидимъ много забавныхъ, любопытныхъ и даже кровавыхъ сценъ, къ которымъ лишеніе бороды подавало поводъ.

БРАКЪ.

Въ Русскомъ простонародіи бракъ сопровождается слѣдующими обрядами.

Наканунѣ вѣнчанія, призывается въ домъ жениха шести или семилѣтній мальчикъ; онъ укладываетъ въ нарочно-купленный для того ларчикъ разныя вещи, которыя въ этотъ же вечеръ женихъ долженъ отвезти въ подарокъ къ невѣстѣ, а именно: башмаки опахало, серьги, пряжки, бѣлила, румяны, перчатки и

т. п. Въ бытность жениха у невѣсты, онъ садится на мохнатой шубѣ, въ знакъ благополучной будущей жизни въ супружествѣ. На другой день передъ поѣздомъ въ церковь тотъ же мальчикъ, или другой, съ невѣстиной стороны, долженъ обуть невѣсту въ новыя башмаки, и продаетъ ея косу за гривну или за рубль, то есть, что дадутъ. Невѣста, въ знакъ ея покорности, обязана разуть жениха, причемъ онъ кладетъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плѣть: когда невѣста примется сперва за лѣвую ногу, то женихъ вынувъ плѣть, ударяетъ невѣсту, а когда за правую, то отдаетъ ей деньги. Новобрачныхъ никогда не кладутъ спать въ жиломъ покоѣ, но въ пустомъ и нетопленомъ, какъ бы холодно ни было; и нѣкоторые нарочно для этого строятъ покои, но земли на потолокъ не кладутъ. Подъ постелью раскладываютъ ржаные снопы или солому. Если на невѣсту въ церкви, чтобъ не испортить головнаго убора, не надѣваютъ вѣнца, а держитъ его какой-нибудь мужчина, то вѣрятъ, что этотъ бракъ будетъ не дѣйствителенъ и что жена непремѣнно будетъ имѣть любовниковъ, потому что она вѣнца не надѣвала, или потому что вѣнчалось ихъ трое вмѣсто двухъ.

На другой день свадьбы, если невѣста, находясь въ дѣвичествѣ, не сохранила своего цѣломудрія, матери ея подносятъ стаканъ съ дырою, изъ котораго,

когда она возметъ его въ руку, потечетъ напитокъ, потому что дружка, поднося ей, оттокнетъ скважину, до того времени зажатую его пальцемъ.

У Донскихъ казаковъ женихъ пріѣзжаетъ за своею невѣстою верхомъ на лошади, обвѣшанной колокольчиками, чтобъ невѣста могла слышать пріѣздъ его. Эти колокольчики хранятся потомъ или у родителей новобрачныхъ, или у нихъ самихъ для памяти; невѣста не приноситъ за собою никакого приданаго, но женихъ долженъ одѣть ее съ головы до ногъ. У Яицкихъ казаковъ къ сговоренной невѣстѣ, до самой свадьбы, собираются, каждый вечеръ, ея подруги, поютъ пѣсни, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ это время, продолжающееся иногда до двадцати недѣль, женихъ можетъ обходиться съ невѣстою почти также, какъ мужъ съ женою. Въ дѣвишникъ онъ долженъ принести ей въ подарокъ вѣнчальное платье и весь женскій уборъ; невѣста же даритъ ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣнчанія невѣста ѣдетъ изъ церкви на телѣгѣ, позади сидятъ мать и сваха, у которой на всѣхъ пальцахъ должны быть надѣты кольца; та и другая прикрываютъ невѣсту со обѣихъ сторонъ, чтобъ зрители не могли видѣть ея лица. Передъ телѣгою идетъ женихъ съ отцомъ и дружкою; позади телѣги ѣдутъ провожатые на лошадяхъ верхомъ; одинъ изъ нихъ

держитъ, какъ знамя, на длинномъ шестѣ, полосатую плахту, какую Черкесскія жены обыкновенно надѣваютъ вмѣсто юбки; эта плахта тѣмъ замѣчательнѣе, что здѣшнія женщины не носятъ ея. Собравшіеся къ новобрачнымъ гости проводятъ день бракосочетанія въ питьѣ, въ пляскахъ, пѣсняхъ, и притомъ по большой части на улицѣ. У этихъ казаковъ былъ прежде такой обычай, что если кто не хотѣлъ долѣе жить съ своею женою, то выводилъ ее на площадь и продавалъ.

Вотъ какія обыкновенія при сочетаніи бракомъ у жителей Восточной Сибири, и преимущественно у Камчадаловъ. Когда кто намѣревается жениться, то, высмотрѣвъ себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, переселяется туда жить, и объявя невѣстину отцу или матери о своемъ желаніи, нѣсколько времени работаетъ у нихъ, стараясь выказать удальство свое и проворство и услуживая всѣмъ пуще наемнаго работника, а наиболѣе своему будущему тестю, тещѣ и невѣстѣ, потомъ требуетъ позволенія *хватать невѣсту*. Ежели поступки его понравятся родителямъ и сродникамъ невѣсты, а также и ей самой, то онъ получаетъ соизволеніе на свою просьбу; въ противномъ случаѣ или вовсе проподаютъ его услуги, или отпускаютъ его съ нѣкоторымъ награжденіемъ. Иногда случается, что такіе женихи, ни-

чего никому не сказавъ, приходятъ жить въ чужой острогъ и работаютъ тамъ: хотя всякій, по ихъ услугамъ, можетъ догадаться, съ какимъ намѣреніемъ они это дѣлаютъ, однако ихъ о томъ не спрашиваютъ и не говорятъ имъ ни слова, пока они или сами, или черезъ другихъ, не объявятъ родителямъ невѣсты о своемъ желаніи.

Получивъ позволеніе хватать невѣсту, женихъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ-нибудь напасть на нее въ малолюдствѣ; потому что она находится тогда подъ охраненіемъ всего женскаго пола того острожка, и эти охранительницы ея рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверхъ того во время хватанья она бываетъ опутана рыболовными сѣтями и обвязана ремнями, такъ, что не можетъ поворотиться; и если жениху удастся улучить свою невѣсту въ малолюдствѣ, то онъ со всѣхъ ногъ бросается къ ней и деретъ на ней платья и сѣти, чтобъ коснуться ея грудей; потому что въ этомъ заключается весь обрядъ бракосочетанія. Между тѣмъ, какъ сама невѣста, такъ и сопровождающія ее дѣвки и бабы производятъ ужасный крикъ; и хотя она не желала бы, да и не можетъ противиться, но проводницы ея поступаютъ съ женихомъ безъ всякой пощады и милосердія, бьютъ его, таскаютъ за волосы, царапаютъ у него лицо, и употребляютъ всѣ уловки, чтобъ не дать ему схва-

тить невѣсту. Если жениху посчастливится, и онъ достигнетъ своей цѣли; то самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она провозглашаетъ его побѣду умильнымъ и жалобнымъ голосомъ. Въ этомъ состоитъ весь брачный обрядъ; однако эта церемонія тянется иногда цѣлый годъ или больше, и послѣ каждаго хватанья женихъ принужденъ бываетъ поправлять свои силы и залечивать раны. Бывали примѣры, что нѣкоторые, послѣ семилѣтняго хватанья, вмѣсто невѣсты, получали увѣчье, будучи сброшены бабами съ балагановъ. Кто схватитъ невѣсту, тотъ въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней безпрепятственно; на другой день онъ увозитъ ее въ свой острожекъ, а для празднованія брака возвращается къ невѣстинымъ сродникамъ, по прошествіи нѣкотораго времени.

Женитьба дѣтей у Калмыковъ зависитъ единственно отъ воли родителей; но прежде сватовства они приходятъ къ своему Гелюню или главному духовному лицу, и объявляютъ ему имя жениха и невѣсты, годъ и число, когда они родились. Гелюнь справляется въ своемъ Сударѣ и объявляетъ соизволеніе Бурхановъ (см. ниже: Вѣра). Если, по его мнѣнію, предвѣщаніе о свадьбѣ будетъ худое, то бракъ ни подъ какимъ видомъ совершиться не можетъ; тогда отцы дарятъ Гелюня столько, что онъ этими подарками можетъ и Бурханское соизволеніе перемѣнить въ хорошее предзнаменованіе.

Получивъ отъ Гелюня доброе предзнаменованіе, родители договариваются о калымѣ или выкупѣ при свидѣтеляхъ съ обоихъ сторонъ. Невѣста обыкновенно должна принесть въ приданое жиниху новую кибитку, нѣсколько всякаго скота, и ясырь, т. е. прислужниковъ и прислужницъ.

Бракъ совершаетъ Гелюнь во время новолунія: онъ сперва приводитъ новобрачныхъ къ Бурханской присягѣ во взаимной вѣрности, потомъ выводитъ ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ смотрѣть на солнце и читаетъ свои молитвы, при которыхъ женихъ съ невѣстою кладутъ земные поклоны. По совершеніи молитвъ Гелюнь накладываетъ на нихъ руки, и этимъ все оканчивается.

Послѣ этой церемоніи, невѣсту сажаютъ въ кибитку за занавѣсъ, а женихъ садится спереди; между тѣмъ родня жениха и невѣсты беретъ сырую овчину и тянетъ ее, сколько силы есть; если женихова родня втянетъ въ кибитку невѣстину родню, то невѣстина родня принуждена бываетъ исправлять свадебную попойку, и обратно. При начатіи пирушки невѣсту вводятъ въ ея кибитку, гдѣ она веселится съ женскимъ поломъ, при звукахъ музыкальныхъ иструментовъ, состоящихъ изъ волынокъ и гудковъ. Молодой воспрещается видѣться съ свекромъ и съ

старшею мужниною роднею, даже отца своего может она посѣтить не прежде, какъ по прошествіи года; тогда она получаетъ отъ него назначенную ей долю, какъ то: верблюдовъ, разный скотъ и проч.

Калмыкамъ, по ихъ вѣрѣ, воспрещено имѣть много женъ, но этотъ законъ не такъ строго соблюдается, чтобъ у кого-либо изъ ихъ знатныхъ людей или начальниковъ не было по двѣ или по три жены; впрочемъ, такіе примѣры рѣдки. Хотя имъ не позволено разводиться съ женою, однако разводныя такого рода у нихъ довольно нерѣдки, особенно у знатныхъ. Если Калмыкъ имѣетъ причину быть недоволенъ своею женою, или она сама пожелаетъ развестись съ нимъ, то ему предоставляется право раздѣть ее до нага и прогнать плетью; если же онъ хочетъ разстаться съ нею честнымъ образомъ, то сзываетъ ея родственниковъ къ себѣ на пиръ, даетъ женѣ осѣдланную лошадь и столько скота, сколько хочетъ или можетъ дать, и съ этими дарами отпускаетъ ее отъ себя.

Древніе Россіяне при брачныхъ сочетаніяхъ поступали слѣдующимъ образомъ: передъ поѣздомъ въ церковь, женихъ садился съ невѣстою рядомъ или на соболи или на какой-нибудь другой мѣхъ; сваха чесала имъ головы, обмакивая гребень въ меду или въ

винѣ, которое держалъ нарочный въ ковшѣ. Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, то есть, деньгами или хмѣлемъ, тутъ же зажигали брачныя свѣчи, которыя бывали слишкомъ по пуду, смотря по состоянію новобрачныхъ; а для зажиганія употребляли особую богоявленскую свѣчку. Въ церковь возили съ собою вино въ сткляницѣ, и когда Священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ, то при послѣднемъ разѣ женихъ разбивалъ сткляницу съ оставшимся виномъ объ полъ, и топталъ бутылку ногою. Брачныя свѣчи скатывали потомъ вмѣстѣ, ставили въ кадку съ пшеницею и оставляли на цѣлый годъ въ сѣнникѣ, у изголовья постели. Сѣнникъ приготовляли слѣдующимъ образомъ: ставили по всѣмъ четыремъ стѣнамъ иконы, въ головахъ постели, надъ дверьми вѣшали по воздвизательному кресту, по всѣмъ четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ, на нихъ по соболю или по куницѣ и по калачу, а на лавкахъ по угламъ ставили по оловяннику меду. Постелю стлали на двадцать-одномъ ржаномъ снопѣ, и когда подавали на столъ послѣднее кушанье, то есть, жаркое, то дружко, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою, относилъ къ постелѣ въ сѣнникъ, куда потомъ отводили и молодыхъ. Въ дверяхъ у сѣнника отецъ посаженый сдавалъ съ рукъ на руки новобрачную ея мужу, и говорилъ увѣщательную рѣчь о содержаніи супруги на узаконенныхъ порядкахъ. Когда

подходили они къ постелѣ жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы—одну какъ должно, а другую навыворотъ, опять осыпала молодыхъ осыпаломъ, т. е., деньгими, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ, и кормила ихъ уже въ постелѣ. Поутру приходили тѣ же лица, которые и наканунѣ участвовали въ свадебномъ обрядѣ, снимали одѣяло съ молодой и свидѣтельствовали ея невинность; потомъ водили молодыхъ въ мыльню, по выходѣ изъ которой кормили ихъ кашею, послѣ чего молодая надѣляла пришедшихъ гостей разными дарами и овощами. Когда молодой, на другой день послѣ брака, бывалъ въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему все платье, то есть, такое, въ какомъ изъ мыльни или бани можно дойти до покоевъ.

Во время вѣнчанія, въ церкви подстилали молодымъ подъ ноги камку или другую какую-либо матерію, а сверхъ ея разстилали соболи или куницы, или другую мягкую рухлядь. Впрочемъ, во все время брачнаго торжества, когда молодой бралъ за руку свою молодую, то долженъ былъ вести ее до назначеннаго мѣста, не опуская ея руки, а иначе, какъ говорили, между ними было бы вѣчное несогласіе. У Малороссіянъ жениховъ отецъ посылаетъ двухъ сватовъ къ невѣстину отцу и даетъ имъ хлѣбъ.— Если отецъ невѣсты изъявитъ свое согласіе, то сва-

ты оставляютъ у него хлѣбъ въ залогъ, а на обмѣнъ отъ него берутъ другой, и потомъ назначаютъ день свадьбы. На все время свадьбы избирается изъ дѣвушекъ одна *свѣтилка,* которая, сидя въ продолженіе стола въ большомъ углу, держитъ увитую калинными вѣтвями съ ягодами казацкую саблю; на этой саблѣ налѣплена восковая зажженная свѣча тройчатка. Послѣ вѣнчанія, вышедъ изъ церкви, новобрачные расходятся по своимъ домамъ; а пообѣдавъ, женихъ благословляется отъ отца и матери хлѣбомъ и солью и ѣдетъ къ невѣстѣ въ домъ. Посрединѣ невѣстина двора ставится квашня, накрытая скатертью, а на квашнѣ лежитъ хлѣбъ и стоитъ стклянка. Мать невѣсты выходитъ навстрѣчу въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ; она даритъ его зятю, а онъ выливаетъ изъ него воду на гриву своей лошади, и отдаетъ пустой горшокъ старшему дружкѣ; тотъ бросаетъ его въ сторону—и если горшокъ разобьется, то молодая родитъ сына, а если уцѣлѣетъ, то дочь. Потомъ братъ или сродникъ продаетъ невѣсту, говоря, что она въ пятнадцатилѣтнее пребываніе у нихъ съѣла пять бочекъ бураковъ, то есть, свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабановъ или боровов, десять овецъ, сто гусей, двѣсти куръ, семьдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба; выпила пять бочекъ пива,

двѣ бочки меду, пять бочекъ горѣлки, то есть, хлѣбнаго вина, за что получаетъ двѣ или три копѣйки. По выѣздѣ изъ дома невѣсты, женихъ стегаетъ ее нѣсколько разъ плетью, приговаривая: — покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ.

При въѣздѣ въ домъ жениха, въ воротахъ зажигается пукъ соломы, черезъ который всѣ должны переѣхать. Послѣ ужина, невѣста разуваетъ жениха, который бьетъ ее голенищемъ, и она получаетъ лежащія у него въ сапогѣ деньги. Если невѣста сохранила свое дѣвство, то всѣ гости идутъ въ домъ ея отца, и съ радости бьютъ у него окна, ломаютъ печи, лавки, столы, стулья и все, что ни попадется подъ руку,—за что отецъ не только не досадуетъ, но еще даритъ ихъ. Потомъ, взявъ невѣстинъ красный передникъ, по ихнему *запаску*, привязываютъ его на высокій шестъ и выставляютъ у воротъ на цѣлый день въ знакъ цѣломудрія невѣсты. Отпраздновавши у всѣхъ, приходятъ опять въ домъ жениха, гдѣ свекоръ, взявши палку, тычетъ ею въ глаза невѣстку и спрашиваетъ у ней: не слѣпа ли она? потомъ подчиваетъ горѣлкою.—Это еще не все: дружка, женихъ и всѣ гости идутъ опять въ домъ невѣсты и приносятъ съ собою курицу, окладенную вѣтвистою калиною и пирогами безъ начинки, называемыми *стульни*. Дружка разрѣзываетъ курицу и даетъ

отцу голову и два пирога, тещѣ столькожъ пироговъ и гузку; а потомъ всѣмъ гостямъ по куску пирога и курицы. Въ этихъ обрядахъ и пирушкахъ проходитъ цѣлая недѣля, и гости веселятся: идетъ у нихъ разливанное море, не умолкаютъ пѣсни и музыка. Описавъ свадебные обряды нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ, обитающихъ въ Россіи племенъ, не льзя не замѣтить, что нигдѣ невѣсту, входящую въ домъ жениха, не поносятъ такъ, какъ въ городѣ Торопцѣ.—Тамъ женихъ и всѣ его домашніе нарочно призываютъ для этого дѣвушекъ, которыя при входѣ невѣсты отъ вѣнца въ домъ ея будущаго мужа, стоятъ на порогѣ и поютъ.

Намъ чильбы Василисчика во трехъ шубахъ, ажно она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись-ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держатъ.

БРОВИ СВЕРБЯТЪ.

У кого брови свербятъ, тотъ будетъ смотрѣть на пріѣхавшаго къ нему издалека гостя, или благодарить его за оказанное имъ какое-нибудь доброе дѣло.

БУЛАВКА.

Булавку давать никому не должно, чтобъ не раздружиться или не поссориться съ нимъ; а когда необходимость заставляетъ дать булавку, то надобно ею уколоть принимающаго, и тогда не произойдетъ никакой ссоры.—

БУЛУМЕРЪ.

Болгарскій городъ. Въ этомъ древнемъ городѣ владычествовалъ нѣкогда храбрый Государь, который, обогатившись отъ побѣжденныхъ имъ народовъ, и почитая своихъ потомковъ недостойными владѣть его сокровищами, построилъ въ городѣ высокій столбъ, и подъ нимъ, съ волшебными заклинаніями, скрылъ свое богатство, и понынѣ находящееся тамъ. Нѣкоторые пытались подрыться къ заклятой храминѣ; но, приближась, увидѣли при самомъ входѣ ужасную черную собаку, прикованную на цѣпяхъ и стрегущую

внутри лежащія сокровища. Она съ яростію бросилась на похитителей, и ужасный лай ея принудилъ ихъ возвратиться въ свои дома; пришедши въ нихъ, они лишились чувствъ и обезумѣли.

ВОДЯНОЙ ДѢДУШКА.

Онъ живетъ въ водѣ, особенно мутной, и возлѣ мельницъ, уноситъ купающихся безъ креста, а больше всего маленькихъ ребятишекъ, въ бездонную пучину, гдѣ воздвигнуты у него великолѣпные хрустальные чертоги, окруженные стадами золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ.

ВОЛОСЫ.

Остригая волосы, также какъ и ногти, суевѣрные люди берегутъ ихъ въ особомъ мѣстѣ, и кладутъ съ собою въ гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ потребуютъ отчета.

ВОЛШЕБНИКИ.

У многихъ дикихъ народовъ, обитающихъ на сѣверѣ Россіи, волшебники употребляютъ по большой части волшебный барабанъ: это ничто иное, какъ съ одной стороны обтянутый кожею ящикъ, къ которому привѣшено множество веревочекъ и всякихъ мелочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, таинственныхъ знаковъ и тому подобнаго. Волшебникъ, положа на кожу кольцо и ударя по ней колотушкою, состоящею изъ мохнатаго оленьяго рога, можетъ узнавать по тому изображенію, на которомъ ляжетъ прыгающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ, до прошедшаго и будущаго касающіеся, вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ демоновъ; причемъ тѣло ихъ обмираетъ въ то время, а душа уходитъ на сборное мѣсто духовъ, и тамъ съ ними совѣтуется, что отвѣчать. Они предсказываютъ и самыя бездѣлицы, благополучные и несчастные дни, знаютъ, когда будетъ дождь; вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ располагать по своей волѣ погодою и вѣтромъ, удерживать и насылать разныхъ насѣкомыхъ и гадовъ,

дѣлать женъ и стада плодородными; по щелямъ, какія окажутся на брошенныхъ въ огонь овечьихъ лопаткахъ, или хвостовыхъ составахъ, отгадываютъ эти волшебники воровъ, открываютъ измѣну въ любви, успѣхъ въ путешествіяхъ и проч. См. *Шаманы* и *Ворожеи*.

ВОРОБЕЙ ВОДЯНОЙ.

Эта птичка водится въ Сибири и другихъ прилегающихъ къ ней мѣстахъ. Она ныряетъ въ самыя глубокія рѣки, собираетъ на днѣ ихъ мелкихъ водяныхъ червячковъ и выходитъ оттуда сухая. Многіе увѣряютъ, что если кровью или жиромъ этой птички, котораго очень немного набрать можно, намазать человѣческіе члены, то они навсегда будутъ предохранены отъ мороза. Суевѣры почитаютъ воробьевъ проклятою птицою, вѣря сами и увѣряя другихъ, что они въ то время, когда распинали Христа, опять приносили ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки, кравши у Римлянъ, уносили. Въ наказаніе за это воробьи имѣютъ на ногахъ оковы, которыхъ люди видѣть не могутъ, и потому птички эти никогда ногами не переступаютъ, а все перепрыгиваютъ.

ВОРОВСТВО.

У всѣхъ дикихъ народовъ, кромѣ Камчадаловъ, воровство похвально, и у нихъ поступаютъ жестоко не за кражу, а за неумѣнье красть. Чукотская дѣвка не можетъ найти себѣ мужа, ежели не окажетъ искусства въ воровствѣ. Якутъ хотя знаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако, не смотря на это, никакъ не можетъ удержаться отъ искушенія, увидя жирную кобылу, и въ случаѣ несчастія утѣшается тѣмъ, что ему пришлось поѣсть жирной кобылятины.

ВОРОЖБА.

Въ этомъ, впрочемъ, довольно прибыльномъ ремеслѣ въ особенности отличаются Цыгане, и нашъ простой народъ вѣритъ, что они большіе знатоки въ предсказаніи будущаго, не смотря на то, что эти предсказатели обманываютъ, обкрадываютъ этихъ простаковъ, и что слова ихъ никогда не сбываются.

По городамъ есть еще занимающіеся такимъ же ремесломъ такъ называемыя кофейницы, которыя,

выливши густой кофе въ чайную чашку и глядя въ нее, предсказываютъ то, чего сами не знаютъ, а получаемыя за это деньги дѣлятъ со слугами, увѣдомляющими ихъ о домашнихъ обстоятельствахъ своихъ господъ. О домашней пропажѣ ворожатъ также рѣшетомъ, вѣшая его на веревочку, и когда рѣшето повернется при названіи чьего-либо имени, того признаютъ за дѣйствительнаго вора.

ВОРОЖЕИ, КОЛДУНЫ, ЧЕРНОКНИЖНИКИ, ЧАРОДѢИ, ВОЛХВЫ И КУДЕСНИКИ.

Ворожеями называютъ тѣхъ, которые, посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, кореньевъ и наговоровъ на вино, масло и воду, вылечиваютъ разныя болѣзни или насылаютъ ихъ. Суевѣрные люди утверждаютъ, что они знаются съ дьяволами, заключаютъ съ ними условіе, и во всемъ, что касается до добра или худа, получаютъ отъ нихъ помощь; когда же умираютъ, то отказываютъ свою волшебную книжку кому-нибудь изъ родни или изъ друзей своихъ, а если не откажутъ, то послѣ смерти ходятъ въ полночь въ саванѣ въ свой домъ и требуютъ той книжки. Отъ такого ночнаго посѣщенія, по мнѣнію суевѣровъ, можно изба-

виться не иначе, какъ выкопать этого неугомоннаго мертвеца, положить его ничкомъ въ гробъ, подрѣзать ему пятки и вколотить между плечъ осиновый колъ; потомъ, прочитавъ заклинательныя молитвы, опять зарыть въ землю.

Говорятъ, что кто найдетъ такую книгу и станетъ читать ее, то немедленно явятся предъ нимъ дьяволы въ великомъ множествѣ и будутъ просить работы. Если онъ не пріищетъ имъ никакой работы; то они убиваютъ его. Колдуны обыкновенно портятъ на свадьбѣ или гостей, или жениха, или невѣсту; производятъ между мужемъ и женою несогласіе; бросаютъ порошокъ на дорогу, и тогда будто бы лошади жениховы и невѣстины становятся на дыбы и нейдутъ съ мѣста. Испорченныя ими женщины кричатъ разными голосами животныхъ, а особливо лаятъ по-собачьему или мяукаютъ по-кошачью, и выкликаютъ имена испортившихъ ихъ; причемъ плачутъ, бьютъ и терзаютъ себя. Для отвращенія такихъ опасностей, которыя по большой части случаются въ деревняхъ, призываютъ другихъ ворожей или колдуновъ, и платятъ имъ за то деньги: эти отговорщики порчей называются у нихъ *доками*.

У Киргизцевъ считается пять разрядовъ чародѣевъ: первые называются Фалча и предсказываютъ будущее

по книгамъ или по звѣздамъ. Это искусство почитается за науку.

Чародѣи втораго разряда, называемые Ярупчи, предсказываютъ по бараньей лопаткѣ, и на всякій вопросъ умѣютъ дать отвѣтъ. Сказываютъ, что такую лопатку должно оскоблить ножемъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо, въ противномъ случаѣ, она не годится къ чародѣйству. Если прорицателю предложатъ вопросы, или самъ онъ что-нибудь задумаетъ, то кладетъ лопатку на огонь и ждетъ, пока на плоской сторонѣ появятся трещины, по которымъ онъ и дѣлаетъ свои предсказанія. Эти люди, какъ говорятъ про нихъ, такъ свѣдущи во всѣхъ тайнахъ, что знаютъ, какъ далеко находится человѣкъ, отправившійся въ путь.

Третій разрядъ чародѣевъ называется Бакша, и Киргизы имъ больше всѣхъ вѣрятъ. Если просятъ у нихъ совѣта, то они сперва велятъ привести хорошую лошадь, козла или барана, для употребленія въ жертву, потомъ начинаютъ пѣть чародѣйные стихи, бить въ обвѣшенный кольцами волшебный барабанъ, называемый Кобицъ, и напослѣдокъ скакать и ломаться. Все это продолжается съ полчаса, потомъ убиваютъ приведенный на жертву скотъ, выпускаютъ кровь въ особый сосудъ, кожу берутъ себѣ, а

мясо отдаютъ ѣсть находящимся притомъ; собираютъ кости, пестрятъ ихъ синею и красною краскою и бросаютъ отъ себя къ западу, куда выливаютъ и выпущенную изъ скота кровь. Напослѣдокъ чародѣйствуютъ еще нѣсколько времени заклинаніями и отвѣтствуютъ на вопросы.

Рамча, принадлежащіе къ четвертому разряду чародѣевъ, льютъ коровье масло или сало на огонь, и по цвѣту пламени предсказываютъ будущее; причемъ также приносятъ жертву и употребляютъ заклинанія; но къ этимъ чародѣямъ мало имѣютъ довѣрія.

Пятый разрядъ Джа Адугаръ, колдуньи, околдовываютъ невольниковъ и другихъ плѣнниковъ, такъ, что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются и опять попадаются въ руки къ своему господину, или хотя очи и уйдутъ, однако опять попадаются къ Киргизамъ въ неволю. Для этого вырываютъ они у плѣнника нѣсколько волосъ изъ головы, спрашиваютъ его имя и ставятъ посреди кибитки на разчищенномъ и золою посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ дѣлаютъ заговоры, и въ то время приказываютъ плѣннику трижды отступать назадъ, плевать на свои ступени, и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Напослѣдокъ сып-

лютъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и этимъ колдовство оканчивается.

ВОРОНЪ.

Когда воронъ прилетитъ, сядетъ на кровлѣ дома и станетъ кричать, то это предзнаменуетъ, что непремѣнно въ томъ домѣ умереть кому-нибудь, или предвѣщаетъ какое-нибудь несчастье.

ВОСКЪ.

Изъ дому своего не должно выносить воску, потому что, какъ увѣряютъ, пчеловодство отъ этого будетъ не прибыльно. Такъ какъ въ простонародіи утверждаютъ, что разбойники заговариваютъ ружья, и никакая пуля въ такомъ случаѣ вредить имъ не можетъ; то, когда пулю облѣпливаютъ воскомъ и стрѣляютъ ею, тогда никакой заговоръ на нее не дѣйствуетъ, и разбойникъ непрѣменно будетъ убитъ.

ВРАГИ ИЛИ ВРАЖДЕБНЫЕ ДУХИ.

Враги или враждебные духи, по увѣренію Камчадаловъ, живутъ въ воздухѣ и бываютъ ростомъ съ трехлѣтняго младенца. Камчадалы говорятъ, что они

входятъ въ ротъ къ ихъ бабамъ и вселяются въ нихъ числомъ до пятидесяти и больше; они же напускаютъ болѣзни, за то, что рубятъ кусты березы и ракитника, въ которыхъ избираютъ они свое мѣстопребываніе.

ВСТРѢЧА.

Когда покойникъ, женщина, дѣвица, свинья или лысая лошадь попадутся первые на встрѣчу, въ этотъ день успѣха ожидать не должно; если кто встрѣтится съ чѣмъ-нибудь полнымъ, т. е., съ полными ведрами воды или другимъ чѣмъ,—это означаетъ успѣхъ въ предпринятомъ намѣреніи.

ВѢДЬМЫ.

Есть на свѣтѣ простаки и обманщики, увѣряющіе, что есть такіе люди, а особливо старухи, которыя посредствомъ заколдованныхъ мазей и кувырканья чрезъ двѣнадцать ножей, оборачиваются во всякихъ звѣрей и птицъ, особливо же въ волковъ, свиней,

собакъ и копны сѣна, также оборачиваютъ и другихъ людей, дѣлаютъ, по ихъ произволу, худое и доброе своимъ ближнимъ и проч. Эти обороченные люди называются *оборотнями*. По увѣренію суевѣровъ, такіе оборотни водятся по большой части въ Малороссіи и Кіевѣ. Также, когда обдирали нѣкоторыхъ убитыхъ медвѣдицъ, то вмѣсто медвѣжьяго мяса находили подъ кожею бабу въ сарафанѣ.

ВѢРА.

Камчадалы почитаютъ Богомъ такъ называемаго Кутху, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Они не знаютъ, кто сотворилъ небо и звѣзды, только сказываютъ, что они были сотворены прежде земли, о сотвореніи которой толкуютъ двояко: одни говорятъ, что Кутху создалъ землю изъ своего сына, называемаго Сымскалинъ, котораго родила жена его Илькхумъ, гуляя съ нимъ по морю, а другіе, что Кутху съ сестрою Кутлыжичь снесли земли съ неба и утвердили на морѣ, а море сотворилъ Умлей, сынъ, пребывающій въ немъ и понынѣ. Однако всѣ вообще согласны въ томъ, что Кутху, до сотворенія земли, жилъ на небѣ. Мнѣніе признающихъ морскаго

бога, очень сходно съ такимъ же суевѣрнымъ мнѣніемъ Якутовъ, которые владѣніе небомъ и землею приписываютъ особливымъ богамъ, причисляютъ къ нимъ еще адскаго бога, почитая ихъ за родныхъ братьевъ, также, какъ было это у Грековъ и Римлянъ.

Кутху, сотворивъ землю, оставилъ небо и поселился въ Камчаткѣ. Тамъ родился у него другой сынъ Тыжилъ Кутха и дочь Сидука, которые, пришедши въ совершенный возрастъ, сочетались бракомъ. Самъ Кутху, жена его и дѣти носили платье, сшитое изъ листьевъ, потому что звѣри тогда еще созданы не были, а ловить рыбу боги ихъ не умѣли.

Кутха, оставя своего сына и дочь, вышелъ изъ Камчатки, а куда, неизвѣстно; говорятъ только, что онъ пошелъ изъ Камчатки на лыжахъ, и что горы и долины образовались послѣ его путешествія; потому что земля подъ нимъ гнулась, какъ ледъ, и такимъ образомъ лишилась своей плоскости и ровности.

У Тыжилъ Кутхи послѣ отца родился сынъ Амлея и дочь Сидукамшичь, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а далѣе родословіе ихъ теряется во мракѣ неизвѣстности. Камчадалы утверждаютъ за

истину, что народъ ихъ размножился отъ выше-поименованныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-Кутху, при умноженіи своего рода, началъ размышлятъ о лучшемъ содержаніи его, выдумалъ вязать изъ крапивы сѣти и ловить ими рыбу; а какъ дѣлать лодки, это было ему еще отъ отца показано. Онъ же сотворилъ и звѣрей земныхъ, и, опредѣливъ пастухомъ надъ ними Пилячучу, подъ вѣдѣніемъ котораго они и донынѣ находятся, началъ шить изъ кожъ ихъ одежду.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ очень малъ ростомъ,носитъ платье, которое сшито изъ шкуры россомахи, и у Камчадаловъ очень высоко цѣпится; ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкоторымъ случается и понынѣ видать слѣды его.

Впрочемъ Камчадалы никого глупѣе не почитаютъ, какъ своего Кутху; они не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ и разсказываютъ о немъ такія непристойности, о которыхъ и писать не возможно. Между прочимъ ставятъ ему въ укоръ и то, что онъ надѣлалъ такое множество горъ и стремнинъ, провелъ столько мелкихъ и большихъ рѣкъ, которыя, производя дожди и бури, без-

покоятъ ихъ, а потомъ, всходя на высокія горы или спускаясь съ нихъ, они осыпаютъ его всякою бранью; тоже дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Бога вообще называютъ они Дустохтичь и почитаютъ имя его, подобно тому, какъ Аѳиняне почитали невѣдомаго Бога. Въ честь этого бога Камчадалы ставятъ на пространныхъ, ровныхъ и тундристыхъ поляхъ столбъ, который обвиваютъ тоншичемъ и не проходятъ мимо, не бросивъ куска рыбы или чего-нибудь другаго. Около того мѣста не собираютъ ни ягодъ, растущихъ поблизости, не бьютъ ни звѣрей, ни птицъ, и думаютъ, что эта жертва продлитъ ихъ жизнь, которая безъ того уменьшилась бы. Впрочемъ они не бросаютъ на жертву чего-нибудь годнаго, а или шалгу или остъ рыбій, которые и безъ того надлежало бы бросить. Въ этомъ отношеніи сходны съ Камчадалами всѣ Азіатскіе народы, которые тоже приносятъ въ жертву не годное; а что съѣсть можно, то употребляютъ сами.

Сверхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію, опасныя, какъ то: огнедышущія и другія высокія и крутыя горы, горячіе источники, дремучіе лѣса и проч. населены бѣсами, которыхъ они опасаются и почитаютъ болѣе, нежели боговъ своихъ.

Горныхъ духовъ своихъ Камчадалы называютъ Камули, или малыя души, потому что душа по-камчатски Камулечь. Эти боги, или по тамошнему враги, обитаютъ на высокихъ, особливо же дымищихся и огнедышущихъ горахъ, почему Камчадалы не осмѣливаются всходить не только на нихъ, но и близко подступиться къ нимъ. Питаются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходятъ по воздуху на море, приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ, пекутъ эту пищу по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляютъ китовое сало и кости. Проходя такими мѣстами, Камчадалы бросаютъ что-нибудь съѣстное въ подарокъ этимъ врагамъ.

Лѣсныхъ боговъ Камчадалы называютъ Ушахчу и сказываютъ, что они походятъ на человѣка. Жены ихъ носятъ приросшихъ къ спинѣ младенцевъ, которые безпрестанно плачутъ. По Камчатскому суевѣрію, они сводятъ съ пути людей и дѣлаютъ ихъ глупыми.

Морскаго бога жители Камчатки называютъ Мишгъ и приписываютъ ему рыбій видъ. Этотъ Мишгъ, по ихъ мнѣнію, владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не за тѣмъ, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто-бы за лѣсомъ на баты себѣ: потому что Камчадалы отнюдь

не вѣрятъ, чтобъ имъ было отъ бога какое-нибудь благодѣяніе.

О Пилячучѣ или Билюкаѣ, о которомъ было говорено выше, что будто онъ живетъ на облакахъ со многими Кашулами, и оттуда посылаетъ громъ, молніи и дождь, а радугу почитаютъ за подзоръ на его платьѣ. Этотъ Билюкай, по ихъ суевѣрію, спускается иногда съ облаковъ на горы, ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго счастія для того, кто увидитъ его слѣдъ; но этотъ мнимый слѣдъ Билюкаевъ есть ничто иное, какъ струйки на поверхности снѣга, которыя образуются отъ вихрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ также и опасаются его; ибо сказываютъ, будто онъ въ вихрѣ уноситъ ихъ дѣтей черезъ своихъ слугъ, и употребляетъ для подставокъ, на которыхъ ставятъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчъ.

Камчадалы признаютъ также бѣса, котораго представляютъ очень хитрымъ и обманчивымъ, и по этому называютъ его Канною. Около нижняго Камчатскаго острога показываютъ очень старую высокую ольху, которую почитаютъ жилищемъ бѣса. Камчадалы ежегодно стрѣляютъ въ нее, отъ чего она вся истыкана.

Гаечъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди переселяются послѣ смерти. Прежде жилъ онъ на землѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутховыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ сотвореніе утренней и вечерней зари.

Туила почитаютъ причиною землетрясенія; оно происходитъ въ то время, когда Туилова собака, на которой онъ ѣздитъ, отряхаетъ снѣгъ съ себя.

О Богѣ разсуждаютъ они, что онъ ни счастію, ни несчастію не бываетъ причиною, но что все зависитъ отъ человѣка; свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными; послѣднія, по ихъ ученію, соединясь съ тѣломъ, будутъ жить вѣчно въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, съ тою только разницею, что тамъ во всемъ будетъ изобиліе, и онѣ никогда не почувствуютъ голода.

Всѣ твари до малѣйшей мухи, послѣ смерти, возстанутъ и подъ землею жить не будутъ. Весь свѣтъ почитаютъ плосковиднымъ; подъ нимъ полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу замлю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у тамошнихъ жителей бываетъ лѣто, у насъ зима, и наоборотъ.

О воздаянiи въ будущемъ мiрѣ говорятъ только то, что тамъ бѣдные будутъ богатыми, а богатые убогими; а чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того, по ихъ мнѣнiю, не надобно, потому что, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и отмщенiе.

Въ подземномъ царствѣ, куда люди по смерти переселяются, есть великiй и сильный Камчадалъ, по имени Гаечъ, который родился отъ Кухты, и первый умеръ въ Камчаткѣ; онъ жилъ въ подземномъ царствѣ одинъ до тѣхъ поръ, пока не переселились къ нему двѣ его умершiя дочери; желая научить потомство, онъ будто-бы приходилъ на нашъ свѣтъ, и входя въ юрты, разсказывалъ тамъ о всемъ томъ, чему Камчадалы теперь вѣрятъ. Но такъ какъ многiе отъ страха, что мертвый къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали оставлять свои юрты, въ которыхъ человѣкъ умретъ, и строить новыя, чтобъ мертвый, пришедши къ нимъ подобно Гаечу, не нашелъ ихъ новаго жилища.

Этотъ Гаечъ, по ихъ объясненiю, есть главный властитель подземнаго царства. Онъ принимаетъ умершихъ Камчадаловъ, и кто прибудетъ въ новой и богатой, собачьей кукляпкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому дастъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто явится въ худомъ платьѣ и на худыхъ соба-

кахъ, того надѣляетъ богатымъ платьемъ, хорошими собаками и отводитъ ему для поселенія хорошее мѣсто. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся по здѣшнему, только съ тѣмъ различіемъ, что они на томъ свѣтѣ не чувствуютъ такого безпокойства, какъ здѣсь, потому что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, какое было въ Камчаткѣ, во времена Кутховы. Они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже, и всего противъ прежняго уменьшается, потому что животныя, вмѣстѣ съ промышленниками своими, поспѣшаютъ переселяться на тотъ свѣтъ.

Камчадалы почитаютъ дозволеннымъ все то, чѣмъ они могутъ удовлетворить желаніямъ и страстямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ только то, отъ чего опасаются истинной или мнимой погибели, по своему суевѣрію; такимъ образомъ не почитаютъ они за грѣхъ ни убійства, ни самоубійства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни обидъ, однимъ словомъ ничего, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертный грѣхъ почитаютъ избавить утопающаго отъ погибели, потому что, по ихъ суевѣрію, тѣмъ, которые спасутъ утопающаго, самимъ утонуть придется. Засыпанныхъ скатившимся съ горъ снѣгомъ, кото-

рымъ случается выбиться изъ него, впускать въ жилье есть страшное беззаконіе, до тѣхъ поръ, пока они не съѣдятъ всѣхъ своихъ дорожныхъ припасовъ. Потомъ должно имъ раздѣться до нага, бросить свое платье, какъ негодное, и тогда только примутъ ихъ въ юрту. Пить воды изъ горячихъ источниковъ, мыться въ нихъ, всходить на огнедышущія горы почитаютъ за несомнѣнную погибель, слѣдовательно за грѣхъ, вопіющій на небо; и можно привести множество такихъ суевѣрій, о которыхъ и писать было бы не прилично. Грѣхъ у нихъ драться и ссориться надъ соленою рыбою, грѣхъ имѣть съ женою сообщеніе, когда съ собакъ сдираютъ кожу; грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и птицъ варить въ одной посудѣ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ и другія тому подобныя мелочи, отъ которыхъ опасаются какого-либо непріятнаго приключенія; напр. отъ драки и ссоры надъ кислою рыбою—совершенной погибели; отъ сообщенія съ женою во время сдиранья собачьихъ шкуръ—коросты; отъ сниманія снѣга ножемъ съ обуви—бури; отъ варенія разныхъ мясъ въ одной посудѣ—несчастія въ ловлѣ и чирьевъ; отъ точенія ножей и топоровъ въ дорогѣ—непогоды и бури; однакожъ это не удивительно, потому что во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей; но всего болѣе удивительно то,

что они такое множество заповѣдей могутъ удержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ, Камчадалы почитаютъ разныхъ животныхъ и другихъ тварей, отъ которыхъ бываетъ опасность. Китовъ и касатокъ уговариваютъ словами, когда увидятъ на промыслѣ, потому что они опрокидываютъ лодки ихъ; также медвѣдя и волка; и ни котораго изъ этихъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ: «Сипангъ», бѣда.

У Калмыковъ за самый важный грѣхъ почитается недовѣріе къ закону и хула на Бурхановъ, удержанная Бурханамъ подать и непочтеніе священническаго чина. Далѣе слѣдуетъ убійство не только людей, но и всякаго животнаго, даже до послѣдняго насѣкомаго и проч. У нихъ вымышленъ судья, котораго называютъ ***Ирликъ Ханъ***. Престолъ его поставленъ между небомъ и землею на срединѣ и окруженъ безчисленнымъ множествомъ черныхъ Тенгровъ или духовъ. Предъ Ирлика Хана должна предстать на судъ всякая душа съ своими приставами, выключая угодниковъ, которые прямо восходятъ на небо, какъ столбъ огненный. Пристава суть черные и бѣлые Тенгры, т. е. злые и добрые духи, которыхъ имѣетъ каждое дышущее существо. У Ирлика Хана находятся древнія записки, называемыя ***Алганъ Голи***.

Въ эти записки вносятся дѣла, содѣланныя людьми. Судья не рѣдко въ нихъ заглядываетъ, чтобы не быть обманутому стряпчими или самимъ судящимся. Спорныя дѣла взвѣшиваетъ онъ на вѣскахъ: въ одну кладетъ грѣхи, а въ другую добрыя дѣла, и смотря потому, какая чашка перетянетъ, такая бываетъ и расправа. По мнѣнію Калмыковъ, надо твердо имѣть въ памяти все, что было сдѣлано добраго на этомъ свѣтѣ, и смѣло предлагать это Ирлику Хану; иначе боязливые иногда, вмѣсто рая, попадаются въ муку, потому что приставамъ иногда не придетъ на память того, что можетъ оправдать его, а Ирликъ Ханъ, по множеству дѣлъ, иногда полѣнится заглянуть въ свою шнуровую книгу. Это утверждаютъ многіе выходцы съ того свѣта, и примѣромъ можетъ послужить слѣдующая басня:

Какой-то пьяница, приговоренный къ наказанію на судѣ Ирлика Хана, былъ ввергенъ въ одно мытарство, наполненное острымъ оружіемъ. Туда препроводили его Яргачи (пристава или караульные при мытарствахъ) по шести дорогамъ, убитымъ острыми гвоздями. Во время его мученія, молитвою одного изъ Бурхановъ болѣе восьми тысячъ мучащихся душъ были извлечены изъ глубины всѣхъ восьмнадцати мытарствъ за то, что они читали Доржо Зудбу. Мучащемуся пьяницѣ пришло на память, что и онъ когда-то не

только читалъ, но даже и списалъ Дoржо Зодбу. Пристава, услышавъ это имя, тотчасъ доложили своимъ начальникамъ, и дѣло дошло до Ирлика Хана. Судья приказалъ представить къ себѣ грѣшника и спросилъ его, подлинно ли онъ совершилъ въ жизни такую добродѣтель, что списалъ Доржо Зодбу. Пьяница увѣрялъ Ирлика Хана, сколько его силъ было, а Ирликъ, справясь въ Алганѣ Голи, нашелъ слова его справедливыми и просилъ у него прощенья за претерпѣнныя имъ мученія; этого мало, онъ посадилъ его возлѣ себя на золотомъ престолѣ, показалъ ему многія тайны и обѣщалъ опять возвратить въ жизнь, чтобъ онъ проповѣдывалъ Доржо Зодбу. Пьяница отказывался отъ такого благодѣянія, представляя, что всякое животное, живущее въ мірѣ, будетъ стрѣмиться на его погибель.

— Въ жизнь мою, говорилъ пьяница, я убивалъ сайгаковъ, овецъ, лошадей, рыбъ, сусликовъ и всякихъ насѣкомыхъ, всякую ползающую и пресмыкающуюся тварь.

Ирликъ Ханъ немедленно повелѣлъ предстать предъ себя всѣмъ животнымъ, которыхъ на этомъ свѣтѣ упомянутый пьяница умерщвлялъ, и приказалъ имъ, чтобы они никакого зла ему не дѣлали. Всѣ упомянутыя твари вознегодовали на такое приказаніе,

и были очень не довольны судомъ Ирлика Хана, которому болѣе ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ вѣсамъ правосудія. Онъ взялъ свои вѣски, и въ одну чашку вмѣстилъ всѣхъ животныхъ, а въ другую Доржо Зодбу; но она перевѣсила, и животныя, убоявшись этого, сдѣлали поклоненіе судьѣ и просили у него прощенія. За это Ирликъ Ханъ отослалъ ихъ на мѣсто успокоенія, а пьяницу возвратилъ на этотъ свѣтъ для прославленія Доржно Зодбы.

Кажется, отъ этого заблужденья происходитъ, что Калмыки охотнѣе ѣдятъ падаль, нежели убитую скотину, говоря, что первая зарѣзана Бурханами, и слѣдовательно безгрѣшна. Басня эта подтверждаетъ также, что Калмыки, вѣря переселенію душъ, разумную душу приписываютъ всякой дышущей тварѣ, и что всякая тварь должна явиться на судъ Ирлика Хана, чтобъ получить воздаяніе или наказаніе за свои дѣла. Примѣромъ Калмыкамъ служитъ главнѣйшій ихъ Бурханъ Санти Муни, котораго душа обитала нѣкогда въ зайцѣ; тогда, увидѣвъ умирающаго отъ голода человѣка, онъ предалъ ему себя на добровольную снѣдь.

За главнѣйшій рай Калмыки почитаютъ какое-то Сукавидино мѣсто. За этимъ мѣстомъ слѣдуетъ рай Амидабы Бурхана, обладающаго двутысячнымъ небомъ.

Самое послѣднее мѣсто находится у тридпати трехъ Тенгровъ: тамъ ожидаютъ только одной вольности. Впрочемъ у Калмыковъ такое множество раевъ, что и перечесть трудно, потому что они каждому Бурхану приписываютъ особливое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ.

ГАДАНІЯ.

Есть множество различныхъ гаданій, и всѣ они по большой части имѣютъ предметомъ предсказаніе будущей судьбы, счастія или несчастія, удачи или неудачи во томъ или другомъ предпріятіи. Ученые люди выдавали гадательныя сочиненія свои на нѣсколько вѣковъ, столѣтніе календари и временныя гадательныя книжки. Судьбу узнавали по теченію планетъ или кому какъ вздумалось. Гадаютъ также на картахъ, на костяхъ, на бобахъ, на тыквенныхъ сѣменахъ, на кофе и проч.

Древніе Славяне употребляли слѣдующія гаданія:

1. Метаніе вверхъ деревянныхъ кружковъ, съ одной стороны бѣлыхъ, а съ другой черныхъ. Когда брошенные кружки, упавъ на землю, ложились бѣлою стороною вверхъ, то это означало доброе

предвѣщаніе, а когда упадали этою стороною внизъ, то худое. Если ложились—одинъ бѣлою, а другой черною стороною на лицо, то это предвѣщало и худое и доброе.

2. Гаданіе по конямъ Свѣтовидовымъ (См. ниже).

3. Гаданіе по полету птицъ.

4. Гаданіе по крику животныхъ.

5. Гаданіе по движенію пламени и дыма.

6. Гаданіе по теченію воды, по пѣнѣ и струямъ.

7. Гаданіе по прутикамъ.

По нашимъ деревнямъ происходятъ слѣдующія гаданія:

1. Дѣвушки поютъ такъ называемыя подблюдныя пѣсни; собравшись, онѣ ставятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большимъ платкомъ и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба и уголь, потомъ всякая загадываетъ на перстнѣ, на кольцѣ, на наперсткѣ, на запанкѣ или на другой какой-нибудь небольшой вещи и, перекрестя этою вещью блюдо, кладетъ ее подъ платокъ. Сперва поютъ пѣсню хлѣбу, и по окончаніи ломаютъ его и уголь на кусочки, изъ которыхъ каждая беретъ себѣ по одному, завертываетъ въ рукавъ рубашки и, ложась спать, отгадываетъ задуманное по приснившемуся ей сну.

Потомъ припѣвая къ каждой пѣсни слѣдующее окончаніе:

Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется,

вынимаютъ свои вещи и, по содержанію пропѣтой пѣсни, предугадываютъ свою судьбу, полагая, что это непремѣнно сбудется.

2. Сидя въ пустой комнатѣ, смотря въ зеркало. Дѣвица приходитъ въ пустую комнату одна, приноситъ съ собою два прибора, зеркало и свѣчку, ставитъ все это въ порядкѣ на столѣ, садится противъ зеркала и гадаетъ, говоря: *суженый ряженый, приди ко мнѣ ужинать*. Минутъ за пять передъ приходомъ суженаго начинаетъ зеркало тускнуть, а дѣвушка протираетъ его нарочно приготовленнымъ для того полотенцемъ; наконецъ приходитъ кто-то и смотрится черезъ ея плечо въ зеркало. Когда дѣвушка, разсмотрѣвъ всѣ черты на лицѣ его, вскрикнетъ: *чуръ, наше мѣсто свято*, тогда дьяволъ, принявшій на себя образъ ея жениха, изчезнетъ, и съ того времени невѣста будетъ въ точности знать будущаго жениха своего. Но это дѣлаетъ только

робкая; другая же, побойчѣе, не станетъ *чурать*, и женихъ или, принявшій видъ его, дьяволъ переставъ глядѣться, сядетъ съ нею за столъ, вынетъ изъ кармана ножичекъ или перстень, или какую-нибудь другую вещь, и положитъ ее на столъ; тогда дѣвушка зачураетъ, и положенная вещь останется у нея въ рукахъ. Суевѣрные увѣряютъ, что дѣйствительно эта вещь бываетъ въ то время похищена у жениха гадавшей дѣвицы.

3. Носятъ коровью или коневую кожу къ проруби и тамъ садятся на нее, очертясь кругомъ отъ проруби огаркомъ, нарочно для того приготовленнымъ. Изъ проруби выходятъ водяные черти, берутъ кожу съ собою и съ тою особою, которая сидитъ на ней, гадавши, и относятъ на дальнія разстоянія, напр. въ домъ жениха и проч. По окончаніи этой работы черти желаютъ присвоить себѣ сидящую на кожѣ, и опрометью бѣгутъ къ проруби, чтобъ броситься съ нею въ воду; тогда должно выговорить при самой проруби: *чуръ, наше мѣсто свято,* и этимъ можно спасти себя.

4. Льютъ олово или свинецъ, золото или воскъ въ воду, загадавъ прежде, и какое выльется изображеніе, предсказываютъ по этому, что случится въ жизни.

5. Слушаютъ подъ окнами, загадавъ прежде, и какое слово отъ находящихся въ избѣ услышатъ, по этому располагаютъ.

6. Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ во рту и спрашиваютъ у мимоходящихъ объ имени, вѣря, что такимъ именемъ будетъ называться будущій мужъ.

7. Полютъ снѣгъ, и въ которую сторону бросятъ его, то слушаютъ тамъ, не залаетъ ли собака; если лаетъ она толстымъ голосомъ, то гадавшая выйдетъ за старика, а если тонкимъ, то за молодаго.

8. Берутъ съ полѣнницы полѣно, въ темнотѣ, и когда оно гладко, мужъ будетъ хорошій; а если суковато и съ трещинами, то дурной и сердитый. Другія вѣрятъ, если попадетъ полѣно суковатое, то быть ей за богатымъ, а если гладкое, то за бѣднымъ.

9. Снимаютъ съ насѣсти курицу, и принеся ее въ комнату, даютъ клевать щетомъ пшеницу или другой какой-либо зерновой хлѣбъ, и по этому отгадываютъ свою будущую участь.

10. Въ то время, когда всѣ лягутъ спать, дѣвица, загасивъ свѣчу, садится у затвореннаго окна и загадавши говоритъ: «*суженый ряженый, по-*

ѣзжай мимо окна. Черезъ нѣсколько времени гадающая слышитъ ѣдущихъ мимо окна, ѣдущихъ и свистящихъ, что служитъ для нея предзнаменованіемъ веселой жизни; если же проѣзжаютъ или проходятъ тихо, то это означаетъ бѣдное состояніе жениха.

11. Вывѣшиваютъ ночью бѣлое полотенцо изъ окошка, и загадавъ, говорятъ: *суженый, ряженый, приди и утрися*. Ежели вывѣшенное полотенцо скоро будетъ намочено, то значитъ, что тогоже года дѣвица выйдетъ за мужъ; а ежели къ утру, то не быть ей за мужемъ еще долго.

12. Ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ или окнамъ и загадавъ слушаютъ. Когда послышится похоронное пѣніе, то значитъ, что дѣвушка умретъ этимъ годомъ, а когда брачное, то быть ей за мужемъ.

13. Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ и передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, загадываютъ: *кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ*. Разумѣется, что это должно присниться ей во снѣ.

14. Ѣдятъ пересолъ въ то время, какъ ложиться спать. Приготовляютъ какую-нибудь пищу, соля ее

очень круто, для того, чтобъ имѣть ночью жажду, ложатся загадывая: *кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подастъ*».

15. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиныя туши, отъ которыхъ слышится голосъ, и по этому опредѣляютъ будущую судьбу.

16. Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, и въ которую сторону ляжетъ онъ носкомъ, въ той сторонѣ быть дѣвицѣ за мужемъ; а когда ляжетъ къ воротамъ, то въ этотъ годъ еще не выдадутъ.

17. Ходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ и, имѣя за плечами мѣсяцъ, смотрятъ въ зеркало, загадавъ: *суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ*. Говорятъ, сто суженый также приходитъ, какъ и въ избѣ.

18. Садятся на лошадь, завязываютъ ей глаза и пускаютъ по волѣ; въ которую сторону побѣжитъ она, въ той сторонѣ быть дѣвицѣ за мужемъ.

19. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ рѣшето, связавши ихъ хвостами, и которая изъ нихъ повлечетъ другую, по этому и исполнятся для загадавшей брачные обряды.

20. Слушаютъ у житницы: тамъ слышится имъ пересыпка хлѣба, шумъ отъ жернововъ, или работа на гумнѣ, многолюдство работниковъ и проч., а потому и узнаютъ, богато ли житъ или бѣдно.

21. Вывѣшиваютъ за окошко ключи, и когда кто-то пошевелитъ ими, тогда дѣвушка спрашиваетъ его объ имени. Этотъ нѣкто, то есть, лѣшій отвѣчаетъ имя, которымъ будущій ея женихъ называться будетъ.

22. Кладутъ подъ голову гребень, загадывая: *суженый, ряженый, причеши мнѣ голову,* и увѣряютъ, что во снѣ приходитъ дьяволъ въ образѣ ея жениха, и причесываетъ ей голову.

23. Аукаютъ, выходя со двора, и откуда откликнется эхо, въ ту сторону выдадутъ ее за мужъ; при этомъ замѣчаютъ, какъ отзывается эхо—скоро или продолжительно, тонко или толстоголосо.

24. Ложатся навзначь въ снѣгъ и по утру ходятъ осматривать; ежели вылеглое мѣсто гладко, то мужъ будетъ смирный и спокойный, а ежели изсѣчено, то вздорный и драчливый.

25. Кладутъ на столъ три шапки и гадаютъ о будущей судьбѣ.

26. Сучатъ и пускаютъ въ воду нитки, по извиванію которыхъ располагаютъ свое гаданіе къ добру или къ худу.

27. Слушаютъ подъ вереею, чтобъ узнать, какого званія или ремесла будетъ мужъ. Если скрипитъ перо, то быть за подъячимъ, если хлопаетъ бичемъ, то быть за кучеромъ и проч.

ГЕОРГІЕВЪ ДЕНЬ,

23-го Апрѣля. Въ этотъ день непремѣнно должно выгонять скотину въ поле. Говорятъ, что кто въ этотъ день заводитъ шумъ, то увѣряютъ, что того непремѣнно убьетъ громомъ.

ГЛАЗА СВЕРБЯТЪ.

У кого засвербитъ подъ глазами, тому въ этотъ день о чемъ-нибудь плакать.

ГОСТЕПРІИМСТВО.

Когда Камчадалъ хочетъ подружиться съ другимъ, то зоветъ будущаго друга къ себѣ въ гости, топитъ для него юрту очень жарко и наготовляетъ всякаго самаго лучшаго кушанья такъ много, что десятерыхъ накормить можно.

По вступленіи гостя въ юрту, онъ и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ, заперевъ дверь юрты, подчуетъ гостя приготовленнымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу (напитокъ) въ преогромную чашу; а между тѣмъ, когда гость пьетъ щербу, хозяинъ наливаетъ воду на лежащіе на каминѣ раскаленные камни, чтобъ былъ несносный жаръ. Гость старается съѣсть все приготовленное хозяиномъ и вытерпѣть жаръ; а хозяинъ старается, чтобъ гость взмолился ему и сталъ просить избавить его отъ кушанья и жару. Хозяинъ въ это время ничего не ѣстъ, и имѣетъ право выходить изъ юрты, но гость до тѣхъ поръ не выпускается, пока не признаетъ себя побѣжденнымъ. Во время обратной ѣзды домой рветъ его разъ до десяти, и послѣ этого подчиванья онъ дня три не только ѣсть, но и глядѣть на яду безъ отвращенія не можетъ.

Когда гость выбьется изъ силы, такъ, что ни ѣсть, ни жару вытерпѣть болѣе не въ состояніи; тогда онъ откупается отъ того собаками, платьемъ или что хозяину понравится; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напротивъ того хозяинъ, вмѣсто хорошаго платья, даетъ ему обноски, вмѣсто хорошихъ собакъ, худенькихъ собаченокъ, которыя почти ходить немогутъ; однако это почитается не за обиду, но за знакъ дружества, когда съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ почитается. Ежели тотъ, который друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не пріѣдетъ, то обобранный пріѣзжаетъ вторично въ гости, однакоже не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобы за свое получить отдарки. Хотя гость, по принятому обычаю, ничего не объявляетъ о причинѣ своего пріѣзда, однако же хозяинъ о томъ уже знаетъ, и отдариваетъ его по возможности, а если отдарить нечѣмъ, то гость, переночевавъ у него, запрягаетъ своихъ собакъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ, потыкая палкою въ снѣгъ, пока не получитъ чего–нибудь отъ своего друга; если же случится такъ, что другъ его отъ скупости не захочетъ отдарить, то гость уѣзжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ и дѣлается его непріятелемъ. Но это очень рѣдко бываетъ; ибо обидѣть друга у Камчадаловъ почитается за такое безчестье, что съ обидѣвшимъ никто не захочетъ дружиться; также если кто, позвавши дру-

гаго въ гости не такъ, какъ бы надлежало, уподчиваетъ, то это почитается за такую обиду, за которую должно мстить не иначе, какъ погубленіемъ всего острога, гдѣ случилась съ гостемъ такая непріятность.

Такимъ же образомъ подчуютъ гостей, когда случится какая-нибудь пирушка; однакожь жаромъ не морятъ и подарковъ не требуютъ. Если подчуютъ нерпичьимъ или китовымъ жиромъ; то хозяинъ, накроя жиру ремнями, становится передъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ держитъ жиръ, а въ другой ножъ, суетъ ему въ горло жиръ, крича, будто съ сердцовъ, и ножемъ отрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной и самому любимой вещи, у кого она есть, почти ничѣмъ, кромѣ объявленнаго способа, достать не льзя, потому что хозяину стыдно отказать, чего бы ни потребовалъ у него гость; въ доказательство чему можно привести здѣсь смѣшной примѣръ. Одинъ казакъ изъ новокрещенныхъ Якутовъ имѣлъ у себя, по тамошнему обычаю, друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ отличную лисицу, и домогался всячески достать ее. Не взирая ни на какія его подарки, Камчадалъ крѣпился и не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Ка-

закъ, видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по камчатскому обыкновенiю: зазвалъ его въ гости, вытопилъ баню очень жарко, наварилъ множество рыбы, посадилъ его на верхней полкѣ и началъ подчивать, не поддавая на каменку; но примѣтивъ, что Камчадалъ недостаточный жаръ почитаетъ за бѣдное подчиванье, онъ началъ поддавать и столько наподдалъ, что самому быть въ банѣ стало нестерпимо: по этому онъ вышелъ изъ бани вонъ, какъ хозяинъ, которому это позволяется, и стоялъ въ передбанникѣ, а между тѣмъ, отворивши дверь, безпрестанно поддавалъ на каменку, и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолиться; но казакъ мучилъ его до тѣхъ поръ, пока Камчадалъ не отдалъ ему лисицу.

Не можемъ сказать, какъ прiятно было Камчадалу такое угощенiе: онъ клятвенно увѣрялъ, что съ роду не видывалъ такого жару, и никогда не полагалъ, чтобъ казаки могли такъ отлично подчивать своихъ гостей; лишенiя своего сокровища онъ не только не почелъ за убытокъ, но принялъ за знакъ особеннаго дружества, которымъ хвалился своимъ товарищамъ, и говорилъ, что Камчадалы нисколько не умѣютъ угощать такъ хорошо своихъ гостей, какъ Русскiе.

ГРОМЪ.

Простолюдины говорятъ, что когда громъ гремитъ, то это Илія Пророкъ по небу ѣздитъ на огненной колѣсницѣ и пускаетъ стрѣлы въ прогнѣвавшаго Бога дьявола, который тогда старается укрыться, и, обращаясь въ разные виды, особливо въ младенцевъ, проситъ у людей прибѣжища; но ему нигдѣ нѣтъ пощады. Громовая стрѣла, убивъ дьявола, уходитъ въ землю, выходитъ оттуда уже по прошествіи трехъ лѣтъ. Она состоитъ изъ кремня. Въ случаѣ колотья ее окачиваютъ водою, которою обливаютъ больнаго. Простолюдины увѣряютъ, что ежели кто часто или всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, то будто тотъ грому бояться не будетъ. Услышавъ въ первый разъ громъ, зимою умываются съ серебра, чтобъ получить бѣлизну и красоту тѣла, а также и здоровье.

ГРѢХОВЪ ОЧИЩЕНІЕ.

Камчадалы, между прочими церемоніями, получаютъ очищеніе грѣховъ слѣдующимъ образомъ: взявъ березовый прутъ и согнувъ его кольцомъ, пропуска-

ютъ сквозь него по два раза жену и дѣтей, которые, прошедъ въ кольцо, обертываются два раза, и тѣмъ очищаются отъ грѣховъ.

У Камчадаловъ одинъ только праздникъ, въ который они грѣхи очищаютъ. Онъ отправляется непремѣнно въ Ноябрѣ и называется очистителемъ грѣховъ.

Церемонія начинается мятеніемъ юрты. Потомъ два старика, пошептавъ что-то надъ соромъ, приказываютъ выносить его вонъ. Полчаса спустя, вынимаютъ вонъ изъ мѣста старую лѣстницу, мѣсто вычищаютъ, и старикъ, пошептавъ что-то, кладетъ туда щепочку, обвитую тоншичемъ, послѣ того привязываютъ новую съ такимъ же нашептываніемъ, а прежнюю ставятъ къ стѣнѣ; потому что выносить ее, до окончанія призвника, не дозволено.

Между тѣмъ весь приборъ къ ѣздѣ на собакахъ, какъ то: санки, алаки, узды, побѣжники, оштады и проч. выносятъ изъ избы, потому что онъ, какъ говорятъ, противенъ врагамъ, ожидаемымъ на праздникъ.

Помѣшкавъ не много, приносятъ сухой травы и постилаютъ ее подъ лѣстницею. Старикъ, который

обыкновенно нашептываетъ, подошедъ къ лѣстницѣ съ тремя бабами, самъ садится по правую, а бабы по лѣвую; какъ у старика, такъ и у каждой бабѣ находится по рогожкѣ, а въ ней юкала, сладкая трава, сухая икра, тюленій жиръ, въ кишкахъ и кусками; изъ юканы дѣлаютъ топоры и увиваютъ сладкою травою. Исправивши все, какъ слѣдуетъ, старикъ и каждая баба отправляютъ отъ себя по человѣку въ лѣсъ за березою, навязавъ имъ на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдаютъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, оставивъ изъ этого запаса себѣ.

Послѣ того старикъ и бабы, вставъ съ мѣстъ своихъ, обходятъ вокругъ лѣстницы одинъ разъ, махая тоншичемъ, находящимся у нихъ въ рукахъ, и приговаривая Алхалалай, а за ними обходятъ и тѣ, которымъ надлежитъ идти за березою и которые обошедши отправляются въ путь. Старикъ и бабы тоншичь свой кладутъ на очагъ, а оставшійся запасъ бросаютъ какъ бы на драку малолѣтнымъ, которые, расхватавши его, съѣдаютъ.

Между тѣмъ бабы дѣлаютъ изъ сладкой травы и изъ юхолы кита, а сдѣлавъ выносятъ изъ юрты до времени и кладутъ на балаганѣ, потомъ затопляютъ юрту; между тѣмъ старикъ, выкопавъ предъ лѣстни-

цею яму, приноситъ камбалу, обернутую тоншичемъ, шепчетъ надъ нею, кладетъ въ ямку, и сперва самъ обертывается на томъ мѣстѣ трижды, а потомъ всѣ находящіеся при этомъ мужчины и женщины.

По окончаніи этого дѣйствія, другой старикъ начинаетъ варить въ корытахъ раскаленными камнями сарану, которою должны быть подчиваны враги ихъ; въ это время, у кого были болванчики, называемые Урильсдачъ, обвязываютъ ихъ сладкою травою, а другіе дѣлаютъ новыхъ болванчиковъ, называемыхъ Итунгъ, втыкаютъ въ потолокъ надъ очагомъ.

Тогда нашептывающій старикъ приноситъ въ юрту березовый кряжъ и начинаетъ дѣлать изъ него такъ называемаго Хантая, которому, когда будетъ онъ сдѣланъ, первый Тойонъ того острожка навязываетъ сладкой травы на шею, а послѣ него и прочіе приносятъ ему на жертву сладкую же траву или тоншичь. По окончаніи жертвы ставятъ на очагѣ новаго Хантая вмѣстѣ съ старымъ.

Старикъ беретъ два небольшіе камня, обертываетъ въ тоншичь, наговариваетъ что-то надъ ними, потомъ закапываетъ ихъ на очагѣ по разнымъ угламъ, разводитъ небольшой огонь, а вокругъ лѣстницы сажаетъ малолѣтныхъ, чтобъ имъ хватать болванчи-

ковъ, бросаемыхъ сверху въ юрту. Мальчики, расхвативъ ихъ, обвязываютъ сладкою травою, а одинъ изъ нихъ, взявъ новаго Хантая, таскаетъ его вокругъ очага за шею, а другіе слѣдуютъ за нимъ и кричатъ Алхалалай, потомъ ставятъ его на прежнемъ мѣстѣ.

Послѣ того всѣ старики, сколько ни находится ихъ въ юртѣ, усаживаются вокругъ очага; тотъ, который нашептываетъ, беретъ въ руки обвитую тоншичемъ лопату и говоритъ слѣдующую рѣчь: «Отъ Кутхи намъ приказано воздавать тебѣ жертву однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; по этому просимъ тебя, чтобъ ты крапилъ и миловалъ насъ, не причинялъ бы намъ скорбѣй и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару». Эту рѣчь прерываетъ онъ нѣсколько разъ, а когда она окончится, всѣ прочіе старики встаютъ съ своихъ мѣстъ, топаютъ ногами и, плеская руками, кричатъ: Алхалалай; вмѣстѣ съ ними начинаютъ кричать и всѣ находящіеся въ юртѣ.

Во время крика выбѣгаютъ изъ угловъ бабы и дѣвки и, скося глаза, искривя ротъ и представляя себя, какъ можно, страшными; достигнувъ лѣстницы, онѣ поднимаютъ руки къ верху, дѣлаютъ страшныя тѣлодвиженія, пляшутъ и кричатъ во всю глотку; потомъ одна изъ нихъ падаетъ на землю, будто жертвая, и при-

мѣру ея слѣдуютъ другія. Мужчины разносятъ ихъ по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежатъ онѣ какъ бы въ безпамятствѣ до тѣхъ поръ, пока старикъ не отшепчетъ каждой изъ нихъ порознь. Отшептанныя бабы и дѣвки очень много кричатъ и плачутъ, будто отъ великой болѣзни и тягости; между тѣмъ старикъ, поворожа надъ пепломъ, бросаетъ его дважды вверхъ лопатою, а послѣ него и прочіе тоже дѣлаютъ; наконецъ старикъ, насыпавъ пеплу въ два ковша, посылаетъ съ нимъ изъ юрты двухъ человѣкъ, которые выходятъ не обыкновеннымъ окномъ, но шанхадомъ, и усыпаютъ пепломъ дорогу.

Спустя нѣсколько времени обтягиваютъ вокругъ юрты сплетенную изъ травы веревку, къ которой мѣстами привязанъ тоншичь, и такимъ образомъ препровождаютъ весь день, а къ вечеру возвращаются посланные за березою; они вносятъ на юрту, съ помощію нѣкоторыхъ выбѣжавшихъ изъ нея Камчадаловъ, срубленную подъ корень огромную березу, начинаютъ бить ею въ окно или двери юрты, причемъ топаютъ ногами и кричатъ, что ни есть силы; находящіеся въ юртѣ отвѣтствуютъ имъ равнымъ образомъ отъ мала до велика, и этотъ крикъ продолжается около получаса. Послѣ того выскакиваетъ изъ угла дѣвка, какъ бѣшеная, вбѣжавъ по лѣстницѣ, хватается за березу, на помощь къ ней прибѣгаютъ

еще бабъ съ десятокъ, но Тойонъ того острожка, стоя на лѣстницѣ, не допускаетъ ихъ. Между тѣмъ бѣреза спускается ниже, и когда съ полу можно будетъ достать ее; тогда всѣ бабы, ухватясь за нее, начинаютъ тянуть въ юрту съ ужаснымъ крикомъ и пляской; но стоящіе на юртѣ держатъ крѣпко; наконецъ весь женскій полъ, какъ бы пораженный нечистымъ духомъ, падаетъ на землю, за исключеніемъ той дѣвки, которая прежде всѣхъ ухватилась за бѣрезу; потому что она виситъ на ней и кричитъ до тѣхъ поръ, пока бѣреза не станетъ концомъ на полъ; тогда и она, по примѣру прочихъ, падаетъ на землю, какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговариваетъ и отшептываетъ очень скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою трудится долгое время; она, очнувшись, кричитъ необыкновеннымъ голосомъ, что ей тошно, и притомъ исповѣдываетъ грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ, утѣшая ее, совѣтуетъ сносить болѣзнь терпѣливо, такъ какъ она сама тому причиною, что до праздника грѣха своего не очистила и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа бросаютъ въ юрту восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ на-

вязана юкола, сладкая трава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ; за ними бросаютъ и четыре рогожи, отданныя съ кормомъ посланнымъ за бѣрезою. Въ этихъ кожахъ находятся бѣрезовые обрубки и оставшійся запасъ.

Рыбу, сладкую траву и жиръ Камчадалы раздѣляютъ между собою, кожи разстилаютъ передъ лѣстницею, а изъ бѣрезовыхъ обрубковъ дѣлаютъ остроголовыхъ болванчиковъ, называемыхъ Камуда, наподобіе тѣхъ бѣсовъ, которые въ женскій ихъ полъ будто бы вселяются во время пляски. Эти тюленьи кожи сулятъ бѣсамъ еще осенью, когда Камчадалы снаряжаются на тюленій промыслъ, почему и не употребляютъ ихъ ни на что, кромѣ того, что подъ себя стелятъ.

Сдѣлавъ пятдесятъ пять болванчиковъ, сажаютъ ихъ рядомъ, вымазываютъ имъ лицо брусникою, ставятъ передъ ними въ трехъ посудахъ толченую сарану и передъ каждымъ кладутъ маленькую ложку. Такимъ образомъ кушанье стоитъ нѣсколько времени, и такъ какъ болванчики, по мнѣнію Камчадаловъ, не довольны имъ, то они сами съѣдаютъ сарану, а болванчикамъ надѣваютъ на голову тровяные колпаки, навязываютъ имъ сладкую траву и тоншичь на шею, связываютъ ихъ въ три пучка, и каждый пучекъ, по

два человѣка, съ воплемъ и пляской бросаютъ въ огонь, а съ ними вмѣстѣ бросаютъ и щепы, которыя при дѣланіи ихъ были нарублены.

Около полуночи входитъ въ юрту шапхадомъ или выводомъ баба, у которой привязанъ на спинѣ сдѣланный изъ сладкой травы еще въ началѣ праздника китъ, и ползаетъ вокругъ очага. За него слѣдуютъ два Камчадала съ тюленьими, сладкою травою перевитыми, кишками, кричатъ по-воронью и бьютъ кишками по киту. Какъ только баба минуетъ очагъ, на нее нападаютъ всѣ находящіеся въ юртѣ малолѣтные, и разрываютъ кита на части, а баба выбѣгаетъ вонъ, но стоящій нарочно для того Камчадалъ ловитъ ее, вводитъ на юрту и начинаетъ спускать по лѣстницѣ внизъ головою; чтобъ принять ее, бросаются нѣсколько бабъ и дѣвокъ съ такимъ же, какъ прежде, воплемъ, послѣ чего всѣ пляшутъ и кричатъ до тѣхъ поръ, пока не попадаютъ на землю, причемъ начинается по прежнему отшептыванье, а между тѣмъ Камчадалы растерзаннаго малолѣтными кита дѣлятъ по себѣ и ѣдятъ.

Вскорѣ послѣ того затопляютъ юрту, и бабы начинаютъ стряпать: каждая приноситъ посуду и толкушку, и всѣ толкутъ меломайные корни, икру и кипрейсъ съ нерпичьимъ жиромъ. Когда всѣ эти

припасы истолкутъ какъ тѣсто, старикъ беретъ хомягу (посуду), ходитъ по всѣмъ бабамъ и съ каждой беретъ по лошкѣ истолченнаго; а собравъ отдаетъ другому старику, который все нашептываетъ и отговариваетъ падающихъ бабъ. Этотъ старикъ садится съ толкушею къ огню, что-то наговариваетъ, бросаетъ нѣсколько изъ толкуши въ огонь, а остальное отдаетъ обратно тому, кѣмъ толкуша была собрана; старикъ разноситъ это по бабамъ и каждой дастъ по лошкѣ вмѣсто жертвеннаго; между тѣмъ проходитъ вся ночь, но изъ Камчадаловъ никто спать не ложится.

На другой день, около девятаго часа по-утру, постилаютъ передъ лѣстницею двѣ нерпичьи кожи, а между ними рогожу, на которую садятся три старухи; каждая изъ нихъ имѣетъ пучокъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, украшенныхъ нерпичьей шерстью и тоншичемъ; имъ прислуживаетъ старикъ, который, обобравъ и обжегши на огнѣ гайтаны, отдаетъ ихъ обратно. Старухи, вставши съ мѣстъ своихъ, ходятъ одна за другою по юртѣ и окуриваютъ вездѣ обожженными гайтанами, а Камчадалы, жены ихъ и дѣти, во время прохожденія старухъ, хватаются за гайтаны, какъ за нѣкоторую священную вещь, и трясутъ ихъ. Окуря всѣхъ, старухи садятся по своимъ мѣстамъ, а одна, взявъ у про-

чихъ гайтаны, вторично ходитъ по юртѣ и прикладываетъ ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричатъ, а старухи, у которыхъ были пучки съ гайтанами, пляшутъ и бѣсятся по прежнему; тоже дѣлаетъ, обошедши юрту, и третья старуха; напослѣдокъ всѣ падаютъ замертво.

Прислужникъ, взявъ гайтаны у лежащей старухи, прикладываетъ ихъ къ лѣстницѣ, и держитъ до тѣхъ поръ, пока всѣ, находящіеся въ юртѣ, отъ мала до велика, прикоснутся къ ней; наконецъ раздаетъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разбираютъ гайтаны, каждая по числу семьи своей, и надѣваютъ ихъ на каждаго человѣка, окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Черезъ полчаса Калмыки разстилаютъ передъ лѣстницею нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, находящимся по сторонамъ лѣстницы, привязываютъ по мальчику, послѣ того входятъ въ юрту два старика и спрашиваютъ у мальчиковъ, когда пріѣзжаетъ отецъ ихъ? На что всѣ Камчадалы отвѣчаютъ имъ: зимою. Старики кладутъ передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, обвитой сладкою травою, и выходятъ вонъ; но вскорѣ возвра-

щаются, начитают плясать и кричать, а съ ними всѣ прочіе.

Между тѣмъ входитъ шапхадомъ баба, у которой запрятанъ за пазухой сдѣланный изъ сладкой травы волкъ, который начиненъ медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ медвѣжьимъ жиромъ и другими съѣстными припасами. За бабою входитъ Тойонъ того острожка съ натянутымъ лукомъ; онъ обвязанъ тоншичемъ, сверхъ того у него на поясѣ, на сайдакѣ и на стрѣлѣ тоже навѣшенъ тоншичь. Когда баба обойдетъ возлѣ стѣны вокругъ юрты, съ послѣдующими за нею всѣми жителями того острожика мужскаго и женскаго пола, и дойдетъ до лѣстницы; то нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ выхватываютъ у ней волка изъ пазухи и вбѣгаютъ по лѣстницѣ подъ самый верхъ юрты; между тѣмъ всѣ бабы, обступя лѣстницу, всячески стараются взойти на нее и взять волка; но стоящіе на лѣстницѣ мужчины до того ихъ не допускаютъ, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою стаскиваютъ съ лѣстницы, однакожь намѣренія своего исполнить не могутъ: утрудясь и обезсилѣвъ, онѣ падаютъ замертво и разносятся по мѣстамъ; послѣ чего ихъ опять отговариваютъ. Между тѣмъ Тойонъ, стоящій поодаль съ натянутымъ лукомъ, приступаетъ къ лѣстницѣ и стрѣляетъ волка, а прочіе мужчины стаскиваютъ его на полъ,

и разтерзавъ съѣдаютъ, удѣляя нѣкоторую часть медвѣжьяго жира для подчиванья Хаитаевъ.

Какъ о волкѣ, такъ и о китѣ, раздираемыхъ на части, хотя сами Камчадалы ничего объяснить не могутъ, за чѣмъ происходитъ это дѣйствіе; однако кажется, что оно представляется вмѣсто комедіи, только для увеселенія или, можетъ быть, для того, чтобъ имъ настоящихъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ поступаютъ съ тровяными; а баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинокій Камчадалъ съ двумя малолѣтными сыновьями: отходя на промыслъ, онъ принужденъ былъ оставлять дѣтей своихъ въ юртѣ, и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывалъ ихъ къ столбамъ. Въ отсутствіе его приходили къ дѣтямъ волки и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ? Дѣти отвѣчали: зимою, и отъ страха долгое время были безъ ума. Между тѣмъ отецъ возвратился съ промысла, и увидѣвъ, что во время его отлучки происходило, пошелъ промышлять волка и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до дѣйствія съ китомъ, то травяной китъ дѣлается наподобіе носимаго морскими волнами мертваго кита; вороны изъ кишокъ представляютъ вороновъ, клюющихъ трупъ

его, а малые ребята терзаютъ его, представляя Камчадаловъ, рѣжущихъ китовый жиръ.

По окончаніи игры съ волкомъ, старикъ обжигаетъ тоншичь и окуриваетъ имъ юрту два раза. Послѣ того наносятъ въ юрту бѣрезовыхъ прутьевъ, по числу семей. Каждый Камчадалъ беретъ на свою семью по одному пруту, сгибаетъ кольцомъ, пропускаетъ сквозь наго по два раза жену и дѣтей своихъ, которыя, выступя изъ кольца, обертываются кругомъ. Это почитается у нихъ отпущеніемъ грѣховъ.

Когда всѣ очистятся, Камчадалы выходятъ съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ. Внѣ юрты проходятъ сквозь кольцо вторично, а потомъ втыкаютъ его въ снѣхъ, оборотясь на востокъ; Камчадалы сбрасываютъ на томъ мѣстѣ весь тоншичь, и возвращаются въ юрту настоящимъ входомъ, а не жупаномъ.

Послѣ очищенія Камчадалы приносятъ небольшую высушенную птичку и гольца, нарочно для того приготовленныхъ, поджариваютъ на огнѣ, раздѣляютъ по частямъ и бросаютъ въ огонь три раза на жертву тѣмъ врагамъ, которые приходятъ на праздникъ и вселяются въ бабъ. По сказанію Камчадаловъ, эти враги живутъ на облакахъ, съ виду походятъ на людей, только остроголовы, ростомъ съ трехлѣтняго

младенца и ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и россомашечьемъ платьѣ. Сказываютъ, что враги бабамъ въ ротъ входятъ, числомъ до 50-ти и больше.

Потомъ затопляютъ юрту и начинаютъ высушенную рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливаютъ щербою хантаевъ, находящихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая все еще стоитъ въ юртѣ.

Напослѣдокъ выносятъ березу; для этого два человѣка влезаютъ по ней на юрту (по лѣстницѣ всходить грѣхъ), подаютъ ее сидящимъ въ юртѣ, которые, обнесши ее вокругъ юрты, относятъ на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдается.

Такъ очищаютъ грѣхи у южныхъ Камчадаловъ; но у сѣверныхъ есть въ этомъ обрядѣ значительная отмѣна. У нихъ выметаютъ юрту, надъ полками дѣлаютъ грядки, а на нихъ накладываютъ обтесанные колья съ поперечными головками, называемые Урилыдачъ, Кромѣ Урилыдачей около очага накладываютъ дрова для праздничнаго употребленія. За кольями или Урилыдачами Камчадалы ѣздятъ съ церемоніею, какъ выше описанные Камчадалы за березою.

Не много спустя, всѣ бабы выходятъ изъ юрты, расходятся по балаганамъ и, не много помѣшкавъ, воз-

вращаются. Въ юрту входятъ сперва старухи, потомъ малолѣтныя дѣвочки и бабы, а напередъ себѣ отпущаютъ онѣ сладкую траву, къ которой привязапы у иныхъ кипрей и юкола. Припасы принимаютъ у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженію при праздновaніи два Камчадала и вѣшаютъ на Урилыдачей. Каждая баба, вошедши въ юрту, кладетъ на очагъ понемногу тоншичу, а потомъ отходитъ на свое мѣсто.

Между прочими спускаются въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками, у бабы въ рукахъ сладкая трава, а у дѣвочекъ въ рукахъ и на головѣ тоншичъ, который баба снимаетъ у дѣвочекъ съ головы и кладетъ на очагъ, а послѣ нея дѣвочки бросаютъ тоншичъ изъ рукъ въ огонь. Помянутая баба не мать дѣвочкамъ, но нянька, а мать одна входитъ въ юрту.

Послѣ того приводятъ къ очагу дряхлую бабу, у которой также, какъ у прочихъ, въ рукахъ и на головѣ тоншичъ: она бросаетъ его въ огонь, отряхается и что-то наговариваетъ.

Вскорѣ потомъ выходятъ изъ угловъ двое мужчинъ съ топорами и деревянными чурками и садятся по сторонамъ лѣстницы, служители приносятъ къ нимъ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую

они, положа на чурки, надрубливаютъ топорами и приговариваютъ, чтобы юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала; надрубленную юколу служители разносятъ по тѣмъ же угламъ и раздаютъ обратно, у кого взяли, отломя сперва по маленькому кусочку и брося въ огóнь; послѣ чего Камчадалы начинаютъ ѣсть, подчуя другъ друга съ угла на уголъ; и этимъ оканчивается первый день ихъ праздника часу въ одиннадцатомъ по-полудни.

На другой день по-утру рано, отъ каждой семьи мужчина или баба отправляется по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ для собиранія съѣстныхъ припасовъ на праздникъ; ибо хотя у нихъ и всего довольно, однакожь, по обыкновенію, припасы на то время у сосѣдей сбираютъ подобно, какъ у насъ подъ насѣдку яйца.

Въ острожекъ возвращаются они уже вечеромъ, и бабы, затопя юрту, начинаютъ стряпать, толочь ягоды и коренья, и эта стряпня продолжается почти во всю ночь; между тѣмъ огонь на очагѣ не угасаетъ и безпрерывно курится; ибо по ихъ обычаю неугасимому огню должно быть до тѣхъ поръ, пока стряпня кончится; гасить огонь при такомъ случаѣ почитается за великій грѣхъ.

Изготовя кушанье часа за два до свѣту, юрты закрываютъ, и бабы начинаютъ вить изъ травы веревки, обвертываютъ рыбьи головы въ тоншичъ, накладываютъ на шеи травяныя плетенки, а потомъ, неизвѣстно, что наговариваютъ.

По окончаніи описаннаго дѣйствія, служители начинаютъ собирать со всѣхъ сторонъ рыбьи головы, обвертываютъ въ тоншичъ и кладутъ на очагъ, въ жертву огню, при чемъ, положивъ каждую голову, присѣдаютъ возлѣ лѣстницы на колоду. Послѣ того всѣ, находящіеся въ юртѣ, отъ мала до велика, подходятъ къ очагу и бросаютъ съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи, согнувъ въ кольцо трованыя веревки, проходятъ сквозь нихъ, а послѣ кладутъ на огонь. Это у нихъ почитается за очищеніе грѣховъ.

Вскорѣ послѣ очищенія приходитъ къ очагу старикъ и, пошептавъ надъ травою и тоншичемъ, набросанными на очагѣ, начинаетъ вить изъ нихъ веревки, а свивши, махаетъ раза два по юртѣ, крича что-то изо всей силы; за нимъ и прочіе дѣлаютъ тоже. Это означаетъ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Наконецъ Камчадалъ очищаетъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, кладетъ на него рыбку хаха-

нчу и омегу изъ четырехъ мѣшечковъ, которые были повѣшаны надъ постелью.

Чрезъ нѣсколько времени служители берутъ со всѣхъ четырехъ угловъ юкалу и подчуютъ Урилыдачей, а за ними всѣ Камчадалы дѣлаютъ тоже, иные мажутъ ихъ толкушей, иные супиломъ или сараной, однимъ словомъ, что у кого припасено было; потомъ начинаютъ подчивать другъ друга, переходя съ одной стороны юрты на другую и кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

По окончаніи обѣда, Камчадалы берутъ по хомягѣ (посудѣ, въ которой воду носятъ) въ руки, а вмѣсто платья получаютъ отъ служителей по тоншичьей перевязкѣ, выходятъ вонъ изъ юрты и идутъ за водою на рѣку, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ; у передоваго находится въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомяга да лучина. При выходѣ изъ юрты, двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному должно идти впереди, а другому назади, садятся на небольшое мѣсто возлѣ лѣстницы; а пришедши къ проруби, передовой околачиваетъ толкушу и черпаетъ воду, сперва оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ; за нимъ всѣ дѣлаютъ тоже, и кто сколько можетъ зачерпнуть воды за одинъ разъ, тотъ столько и несетъ съ собою. Съ проруби идутъ они тѣмъ-же,

какъ и прежде, порядкомъ и, взошедъ на юрту, спускаются въ нее по веревкамъ съ большою осторожностью, чтобъ не расплеснуть воды, потому что это за грѣхъ почитается; принимаютъ у нихъ двое подростковъ, нарочно для того оставленныхъ; служителей же тутъ не бываетъ, потому что они сами вмѣстѣ съ прочими уходятъ за водою. На юртѣ стоятъ до тѣхъ поръ, пока посуда съ водою отъ всѣхъ принята будетъ. Между тѣмъ четыре раза кричатъ они изо всей силы, хлопая руками и топая ногами, а вошедши въ юрту, тотъ, который ходилъ съ лучиною, обжигаетъ ее на огнѣ и обмакиваетъ во всѣ сосуды, принесенные съ водою, потомъ вынимаетъ изъ воды кусокъ льду, бросаетъ на огонь и даетъ воду всѣмъ пить вмѣсто священной.

Послѣ того бабы, съ остальнымъ отъ подчиванья кушаньемъ, расходятся по своимъ балаганамъ и остаются тамъ; напослѣдокъ старики высылаютъ и всѣхъ мужиковъ, послѣ чего происходитъ тамъ слѣдующее: сперва старики приказываютъ служителямъ затопить юрту; а когда она истопится, служители приносятъ по горстѣ сухой травы и разбрасываютъ ее по юртѣ; потомъ всю юрту и полки устилаютъ чирелами (трovяными рогожками), въ двухъ углахъ зажигаютъ по жирнику, послѣ чего старики начинаютъ вязать тоншичъ, и помѣнявшись имъ другъ съ другомъ, вѣша-

ютъ его на спицы, а служителямъ отдаютъ приказъ, чтобъ въ юрту никого не пускали, сами же ложатся и разговариваютъ между собою о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Спустя нѣсколько времени, приказываютъ они одному служителю пощупать за дверь, потомъ отворить ее и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбью голову.

Рыбью щеку и рыбью голову принимаетъ старикъ, обвертываетъ ихъ въ тоншичъ и что-то нашептываетъ надъ ними; потомъ садится у огня; а къ нему подходятъ прочіе старики, которые, потоптавъ щеку и голову и перешедъ черезъ огонь, возвращаются на свои мѣста; напослѣдокъ служители выходятъ изъ юрты, и этимъ оканчивается первое тайное дѣйствіе очищенія грѣховъ.

По прошествіи двухъ часовъ, собираются въ юрту всѣ мужики, бабы и дѣти, которые въ этотъ годъ хворали или тонули. Бабы всѣмъ мужикамъ и дѣтямъ обвязываютъ голову тоншичемъ, даютъ въ одну руку тоншичу, въ тругую сладкой травы и высылаютъ изъ юрты; при выходѣ обносятъ они сладкую траву вокругъ лѣстницы, и взошедши на юрту, обходятъ ее вокругъ три раза, по солнцу, рвутъ на-

мелко сладкую траву и тоншичъ и бросаютъ въ юрту, а перебросавъ, сами входятъ, снимаютъ съ себя тоншичевыя перевязки и кладутъ на огонь; тѣ, которые хворали, потоптавъ ногами, отходятъ по своимъ мѣстамъ, а утопавшіе ложатся на огнище и представляютъ все то, что они дѣлали въ то время, какъ тонули, кличутъ поименно тѣхъ, отъ кого тогда просили помощи,—и тѣ, пришедъ къ очагу, таскаютъ ихъ съ пепла, какъ будто изъ воды.

Напослѣдокъ приносятъ рыбью щеку и бросаютъ на огонь, съ приговоромъ: ту, ту, ту; разламываютъ на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рогатки и разбрасываютъ по полу; между тѣмъ служители, побывавъ на дворѣ, загашаютъ жирники, собираютъ чирелы или рогожи, которыми была устлана юрта, раскладываютъ маленькій огонь, кладутъ въ него камень, сжигаютъ всѣ перевязки, бывшіе на головѣ у больныхъ и у утопленниковъ, и приказываютъ ребятамъ погасить огонь каменьями. Такимъ образомъ оканчивается тайное дѣйствіе, и въ этотъ день ничего больше не происходитъ.

На третій день рано по утру затопляютъ юрту, кладутъ передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы и вмѣстѣ связанные прутья, и праздничные служители становятся одинъ у одного пука, а дру-

гой у другаго. Какъ только огонь разгорится, они, помѣнявшись пуками, начинаютъ ихъ развязывать, и прутья раздаютъ мужчинамъ, изъ которыхъ иные ломаютъ ихъ на-мелко, а иные вьютъ въ кольцы. Солому переносятъ на одну сторону очага и дѣлаютъ Пома.

Его дѣлаютъ наподобіе человѣка, вышиною около полуаршина и кладутъ головою къ огню. Въ это время нѣсколько человѣкъ выходятъ вонъ изъ юрты, обтираютъ столбы у своихъ балагановъ, возвращаются въ юрту и сожигаютъ прутья.

Послѣ того, какъ Помъ повиситъ нѣсколько времени, пришедшій старикъ отвязываетъ его, махаетъ имъ по юртѣ, приговаривая «уфай», а вмѣстѣ съ нимъ всѣ находящіеся въ юртѣ тоже кричатъ, и наконецъ сожигаютъ Пома.

При сгораніи Пома, метутъ юрту, пригребая весь соръ къ лѣстницѣ; каждый Камчадалъ беретъ изъ него понемногу и относитъ въ лѣсъ, усыпая дорогу, по которой ходятъ на промыслы. Въ это время всѣ бабы выходятъ на юрту, и становятся въ кучу.

Камчадалы, возвратясь изъ лѣсу, кричатъ, стоя на юртѣ, четыре раза, хлопаютъ руками и топочатъ

ногами, потомъ входятъ въ юрту, гдѣ на мѣстѣ ихъ сидятъ бабы и многократно кричатъ Алулулу.

Между тѣмъ, когда истопится юрта, оставшіяся головни начинаютъ выметывать, но сидящія вверху бабы, ухватя ихъ, обратно мечатъ въ юрту; чтобъ не допустить мужчинъ выбрасывать головни, бабы закрываютъ окна или двери рогожами. Мужчины вбѣгаютъ по лѣстницѣ, силою растворяютъ двери, прогоняютъ бабъ домой, а другія успѣваютъ въ это время метать головни; но такъ какъ бабы превосходятъ числомъ своимъ мужчинъ; то головни обратно брасаются въ юрту, въ которой отъ дыма и искръ сидѣть почти не возможно: потому что головни, какъ ракеты, летаютъ то вверхъ, то внизъ, и это веселье продолжается съ полчаса. Наконецъ бабы позволяютъ выбросить головни, а мужиковъ, выбѣжавшихъ отбивать ихъ, до тѣхъ поръ таскаютъ и мучатъ, пока другіе, подоспѣвающіе къ нимъ на помощь, не выручатъ ихъ.

Послѣ описанной потѣхи, бабы, попѣвъ нѣсколько на верху, начинаютъ спускаться въ юрту, а мужики стоятъ по обѣ стороны лѣстницы фронтомъ, и каждая сторона старается перетащить къ себѣ сходящихъ съ верху бабъ, отъ чего происходитъ между ними какъ бы небольшое сраженіе, и та сторона,

которая переможетъ, отводитъ захваченную бабу какъ бы въ плѣнъ.

Когда случается, что бабы попадаются на противныя стороны, то каждая сторона выкупаетъ своихъ плѣнниковъ, равнымъ числомъ завоеванныхъ; а если одна сторона завладѣетъ большимъ числомъ, такъ, что другой нечѣмъ выкупить будетъ, то она, для ихъ освобожденія, выходитъ будто на войну, и при этомъ происходитъ порядочный бой.

По окончаніи описанной потѣхи, раскладываютъ небольшой огонь, сжигаютъ тоншичъ, развѣшенный на Урилыдачахъ и по другимъ мѣстамъ, а служители приносятъ по два маленькихъ гольца, пекутъ ихъ, мелко искрашиваютъ на лоткѣ и ставятъ по правую сторону у лѣстницы, послѣ чего приходитъ старикъ и бросаетъ въ огонь большую часть рыбы, приговаривая «та», то есть, возми; а остатки раздѣляютъ служители по Камчадаламъ, имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковъ, называемыхъ Урилыдачъ; головни послѣ огня не мечутся вонъ, но перегараютъ въ юртѣ.

Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника заключается въ томъ, чтобъ сходить въ лѣсъ и поймать маленькую птичку, которая жарится и дѣлится

всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждый, накусивъ, бросаетъ въ огонь.

Этотъ праздникъ праздновали Камчадалы, до прибытія Россіянъ, по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

ГРѢХЪ.

У Камчадаловъ, кромѣ вышеисчисленныхъ грѣховъ, какъ то: ссориться надъ кислою рыбою, соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви, однимъ изъ главнѣйшихъ почитается также скука и безпокойство, —и они всѣми мѣрами стараются избѣгать его; даже не щадятъ иногда собственной жизни, отъ чего не рѣдко происходятъ у нихъ самоубійства.

ГУСЬ КРАСНЫЙ.

Калмыки думаютъ, что въ этой птицѣ живетъ злой духъ, и потому, когда нечаянно увидятъ краснаго гуся, то клянутъ его и отвращаютъ отъ него лицо свое, какъ отъ нечистой птицы.

ДВОЙНИ.

У Русскихъ простолюдиновъ раждающіеся двойни предзнаменуютъ счастіе дому, а у Калмыковъ почитается это за величайшее несчастіе, и вѣрятъ, что одному изъ родившихся непремѣнно должно будетъ умереть. Тоже самое предсказываютъ и о родившемся въ дурную погоду; но его иногда примиряютъ съ бѣсами.

ДЕНЬГИ МѢДНЫЯ.

Деньги мѣдныя, видѣнныя во снѣ, означаютъ слезы.

ДИДИЛІЯ.

Подъ этимъ именемъ почиталась у нѣкоторыхъ Славянъ богиня родовъ, а потому и молили ее о плодородіи дѣтей.

ДИДЪ ИЛИ ДИДО.

Богъ Славянскій, о которомъ часто упоминается въ старинныхъ пѣсняхъ. Онъ почитался богомъ, отвращающимъ любовь, такъ какъ братъ его Лель— возбуждающимъ эту страсть.

ДОГОДА.

Славянскій зефиръ. Его почитали богомъ, производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

ДОЖДЬ.

Если кто отправляется въ дорогу и въ то время пойдетъ дождь, то это означаетъ благополучный путь; и вообще дождь, при всякомъ предпріятіи, почитаютъ за счастливое предзнаменованіе.

ДОКИ.

Такъ называются въ деревняхъ люди, которые могутъ отговорить, то есть, отвратить всякое чародѣйство и порчу, но сами никакого чародѣйства производить не въ силахъ.

ДОМОВОЙ.

Суевѣрные люди говорятъ и даже твердо убѣждены въ томъ, что во всякомъ домѣ водится чортъ, подъ именемъ домоваго: онъ ходитъ въ домъ по ночамъ

въ образѣ человѣческомъ, а когда полюбитъ какую скотину, то всячески ее откармливаетъ, а когда не полюбитъ, то скотина похудѣетъ и переведется, что и называется, что она *не ко двору пришла.* Говорятъ, что онъ любимымъ лошадямъ заплетаетъ на гривѣ косы и подкладываетъ сѣно, также и мужикамъ, которыхъ полюбитъ, завиваетъ бороды. Но бѣда лошадямъ, не имѣющимъ счастія пользоваться благоволеніемъ его; у нихъ онъ расплетаетъ и почти выдергиваетъ всю гриву, и какъ-будто подбиваетъ ихъ подъ ясли, отъ чего лошадь поднимаетъ въ конюшнѣ великій стукъ, иногда же находятъ ее всю въ поту или въ мылѣ.

Когда домовой покажется ночью спящимъ людямъ, то смѣльчаки спрашиваютъ его: къ добру или къ худу? и онъ отвѣчаетъ то или другое, что и сбывается будто-бы на самомъ дѣлѣ.

Ежели домовой кого не полюбитъ въ домѣ, то дѣлаетъ ему всякаго рода безпокойства, бросаетъ въ него, что ни встрѣтилось бы ему подъ руки, однакожь не попадаетъ, хлопаетъ дверьми, наваливается на спящихъ, такъ, что они ни однимъ членомъ подвинуться не въ состояніи, хотя и сохраняютъ память; и ежели придавленный имъ ощупаетъ его мохнатымъ, то это значитъ къ добру. Передъ

бѣдою онъ воетъ, даже щиплетъ до синя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ; когда же хозяину умереть, то домовой во всю ночь воетъ.

Вотяки называютъ домоваго Албастъ и Кобольтъ; послѣднее названіе даютъ ему также и Нѣмцы. Онъ живетъ въ пустыхъ домахъ, въ деревняхъ, и шалитъ не только тамъ, но даже и въ баняхъ; по этому суевѣрные деревенскіе жители сожигаютъ свои ветхія избы и другія строенія.

ДОРЖА-ЗОДЬБА, ЭКРЕТЮ И ДОЙШИНЪ-БУРХАНИ.

Духовныя Калмыцкія книги, высоко почитаемыя у Калмыковъ, но между ними Зодьба занимаетъ первое мѣсто, такъ, что читавшій ее избавляется отъ мученій на томъ свѣтѣ. См. *Вѣра*.

ДОРОГА.

Выѣзжать въ дорогу въ понедѣльникъ не должно, потому что, какъ увѣряютъ, она благополучна быть не можетъ, также не предвѣщаетъ добра, когда перебѣжитъ черезъ дорогу заяцъ или другое животное. Если разстаются съ кѣмъ-нибудь и желаютъ опять

скорѣе съ нимъ увидѣться, то должно, при послѣднемъ съ нимъ прощаніи, на возвратномъ пути домой, оглянуться назадъ.

ДЯТЕЛЪ.

Чтобъ птица эта не вредила лѣсамъ, Вотяки, поймавъ ее, дѣлаютъ въ лѣсу клѣтку, въ которой держатъ и питаютъ ее нѣсколько времени, а потомъ, публично воздавъ ей моленіе, отпускаютъ на волю; а также, чтобъ не портила она бортевыхъ деревьевъ, приносятъ ей въ жертву дикую утку.

Если черный дятелъ перелетитъ черезъ дорогу, если воронъ или кокушка сядетъ на кровлю, также если увидятъ, что ежъ бѣгаетъ, то все это предзнаменуетъ смерть или тяжкую болѣзнь.

ЭХО.

Когда кто кричитъ въ лѣсу или на берегу рѣки, то эхо обыкновенно повторяетъ слова его. Суевѣрные утверждаютъ, что это отзывается лѣшій, имѣя намѣреніе заманить въ жилище свое того человѣка, который кричитъ или играетъ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ.

ЖЕЛѢЗНИЦА.

Желѣзница, или бѣшеная рыба, водится въ большомъ изобиліи въ Волгѣ; рыболовы и прочіе простолюдины увѣряютъ, что ежели кто эту рыбу употребитъ въ пищу, то непремѣнно сойдетъ съ ума, а потому когда попадается она въ большомъ количествѣ въ неводъ, то ее бросаютъ обратно въ рѣку, или отдаютъ ни за что Мордвѣ и Чувашамъ, которые ядятъ ее, но не сходятъ съ ума.

ЖЕРТВЫ.

Въ Россійской имперіи есть еще такія области, въ которыхъ мракъ идолопоклонства не совсѣмъ разсѣянъ свѣтомъ христіанскаго ученія; напр. Лопарь, приготовляясь къ обряду очищенія отъ грѣховъ, крѣпко привязываетъ всѣхъ собакъ, чтобъ которая-нибудь не перебѣжала черезъ его дорогу, потомъ, взявъ съ собою кости или рога требуемаго богами въ жертву звѣря, пускается въ путь къ святому мѣсту, не говоря о томъ никому; увидѣвъ его, онъ въ туже минуту бросается на землю и ползетъ къ своей святынѣ. Потомъ возлагаетъ приношеніе свое на жертвенникъ, молится, приложа лицо къ землѣ, и вставъ, возвращается въ свое жилище. Большая по-

ловина жертвъ остается на своемъ мѣстѣ, отъ чего скопляются огромныя груды костей и роговъ; однако нѣкоторые зарываютъ ихъ, можетъ быть, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ принести жертвы подземнымъ богамъ.

Лопари никогда не приносятъ въ жертву мяса, будучи увѣрены, что боги не преминутъ облечь имъ кости. Ежели собака примется глодать жертвенную кость, то ее должно убить и, вырѣзавъ ту же самую кость, которую она изгрызла, положить вмѣсто ея на жертвенное мѣсто. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку или проливаютъ молоко, либо вино на землю, для умилостивленія къ себѣ земныхъ и водяныхъ боговъ.

ЗАГОВѢНЬЕ.

Суевѣрныя женщины въ заговѣнье не шьютъ, и вѣрятъ, что отъ того непремѣнно сдѣлается заусеница или неизлечимая ногтоѣда.

ЗАМКИ.

Суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогомъ замки въ то время, когда новобрачныхъ ведутъ изъ церкви,

и когда они перешагнутъ черезъ незапертый замокъ, то сейчасъ же поднимаютъ его и запираютъ, а ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ мужъ и жена жили согласно.

ЗАСПАТЬ МЛАДЕНЦА.

Безпечныя, и отъ того крѣпко спящія или пьяныя женщины часто сонныя наваливаются на лежащаго съ ними младенца и придавливаютъ его своею тяжестью. Это называется: *заспать ребенка*. Простолюдины вѣрятъ, что душа такого младенца не наслѣдуетъ царства небеснаго, а это смѣшное мнѣніе подало поводъ къ суевѣрію, еще болѣе невѣроятному. Суевѣрные разсуждаютъ, что такой женщинѣ должно стоять въ церкви одной три ночи сряду, очертившись кругомъ мѣломъ, и это очерченіе долженъ сдѣлать священникъ. Въ первую ночь будутъ сходиться бѣсы, и нося ея младенца, показывать ей. Во вторую ночь, нося младенца передъ нею, будутъ его давить, бить и щипать, и говорить ей, чтобъ она вышла только изъ круга, то и отдадутъ ей младенца; какъ скоро она изъ него выступитъ, то и сдѣлается добычею дьяволовъ. Въ третью ночь мучатъ младенца несказанно, увѣщевая ее, чтобъ она вышла изъ круга, а если не выйдетъ, то измучатъ

его до смерти. Только что запоютъ пѣтухи, бѣсы исчезаютъ въ тужe минуту и оставляютъ матери мертваго младенца, котораго она послѣ показываетъ всѣмъ и предаетъ его землѣ.

ЗАТМѢНІЕ.

Затмѣніе солнечное или лунное, по увѣренію грубыхъ невѣждъ, непремѣнно предвѣщаетъ какое-нибудь общественное несчастіе, т. е., болѣзни, наводненіе, войну, голодъ, пожаръ и проч., и даже донынѣ, къ сожалѣнію, никто не можетъ убѣдить суевѣрныхъ въ противномъ, потому что это передано имъ отъ древнихъ писателей, какъ напр.

«Тоя же зимы (1202 года) быша знаменія многа на небеси, въ пять часовъ нощи потече небо все, и бысть червлено яко кровь, и бѣ видѣти снѣгъ на землѣ и на хоромѣхъ, яко кровь проліянна, и мнози видѣша теченіе звѣздное на небеси, и отторгахуся звѣзды отъ небеси на землю, и сіе видѣша человѣцы ужасошася зѣло, мняше яко конецъ міру грядетъ, понеже убо знаменія на небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или инемъ чемъ бываютъ не на добро, но проявляютъ, или гладъ, или смерть, или ратныхъ нашествіе, или междуусобныя брани и рати».

Вотяки, видя солнечное или лунное затмѣніе, говорятъ, что оборотень прикоснулся къ солнцу или къ лунѣ.

ЗВѢРОЛОВСТВО.

Вогуличъ, собираясь на звѣриный промыслъ, беретъ съ собою какую-нибудь вещь для счастья, напримѣръ: изъ чурки выдѣланную колодку съ пришибеннымъ соболемъ, или въ капканѣ пойманнаго звѣря и тому подобное. Эту вещь онъ сохраняетъ и почитаетъ до тѣхъ поръ, пока бываетъ удача въ промыслѣ, въ противномъ же случаѣ ломаетъ ее, бросаетъ съ презрѣніемъ и ругается ею такъ, какъ вредной, придавая ей названіе шайтана, то есть, чорта. Это значитъ, что суевѣры почитаютъ святою только ту вещь, отъ которой надѣются для себя какой-нибудь прибыли.

ЗЕМЛЯ.

Всѣ простолюдины вѣрятъ, что земля держится на четырехъ превеликихъ китахъ, изъ которыхъ одинъ уже умеръ, отъ чего и послѣдовали великія перемѣны на землѣ, а какъ всѣ они перемрутъ, тогда послѣдуетъ преставленіе свѣта.

ЗЕРКАЛО.

Вотъ начало этой вещи по мнѣнію суевѣровъ:

Какой-то затворникъ, спасаясь въ пустынѣ и прочитавъ въ писаніи: «просите и дастся вамъ», усомнился въ этой истинѣ, и желая удостовѣриться, точно ли онъ можетъ получить все, чего пожелаетъ, пошелъ просить къ нѣкоторому Царю, чтобъ онъ выдалъ за него дочь свою.

Царь, удивленный такимъ требованіемъ, сказалъ о томъ своей дочери. Царевна, удивившись столькоже, отвѣтствовала отцу:

— Такъ какъ это дѣло чрезвычайное, то должно, чтобъ затворникъ, ежели онъ желаетъ получить меня въ невѣсты, сдѣлалъ тоже что-нибудь чрезвычайное, напримѣръ: пусть онъ принесетъ мнѣ въ подарокъ такую вещь, въ которую могла бы я всю себя видѣть.

Это происходило тогда, когда зеркало еще не было выдумано.

Отшельникъ, услышавъ это, пошелъ искать такой вещи. Ходя по лѣсамъ, зашелъ онъ въ нѣко-

торую пустыньку, никѣмъ не обитаемую, посидѣвъ немного времени, услышалъ онъ тяжкій стонъ, и на вопросъ его ему отвѣтствовали.

— Почтенный пустынникъ, сжалься надъ моими страданіями; вотъ уже нѣсколько лѣтъ заключенъ я въ рукомойникѣ обитавшимъ здѣсь нѣкогда пустынникомъ. Выпусти меня изъ моей темницы, и я услужу тебѣ всѣмъ, чего ты ни пожелаешь.

Отшельникъ, обрадовавшись такому случаю, предложилъ ему о той вещи, которую желала получить отъ него въ подарокъ царская дочь.

Заключенный, который былъ не иной кто, какъ дьяволъ, далъ обѣщаніе доставить такую вещь. Тогда отшельникъ снялъ съ рукомойника крестъ и выпустилъ плѣнника.

Дьяволъ въ скоромъ времени принесъ ему зеркало; отшельникъ, взявъ въ руки эту вещь и увидя въ ней свое изображеніе, очень удивился и отнесъ зеркало къ Царю, однако отъ супружества отказался и пошелъ умолять о своемъ согрѣшеніи въ томъ, что онъ усомнился въ писаніи.

Такъ какъ дьяволъ доставилъ отшельнику зеркало, то раскольники никогда въ него не глядятся, и

во всѣхъ ихъ домахъ ни одного зеркала не увидишь, развѣ только у свѣтскихъ раскольниковъ, потому что между ними есть нѣкоторое раздѣленіе.

ЗМѢИ.

Эти пресмыкающіяся почитались у нѣкоторыхъ Славянъ богами, имъ приносили въ жертву молоко, сыръ, яйца, и все то, что на столъ поставлялось. Воспрещено было дѣлать этимъ гадамъ какой-нибудь вредъ, въ противномъ случаѣ, преступившихъ этотъ законъ подвергали жестокому наказанію, и даже иногда осуждали на смерть.

Увѣряютъ, что змѣи входятъ къ человѣку во внутренность. Ежели спящему на полу грезилось, что онъ пилъ очень студеную воду, ежели ему тошнитъ по утрамъ, ежели ему кажется, что у него въ животѣ что-то ворочается, или животъ его раздувается; то никто уже не смѣетъ сомнѣнаться въ томъ, что у него въ желудкѣ змѣя. Такого человѣка поятъ парнымъ и наговореннымъ молокомъ, смѣшаннымъ съ коноплянымъ масломъ, столько, сколько желудокъ его вмѣстить можетъ; потомъ въ жарконатопленной банѣ призязываютъ его за ноги къ потолку и держатъ въ такомъ положе-

нія до тѣхъ поръ, пока не вырветъ изъ него, какъ говорятъ, черенки; съ этою рвотою, какъ увѣряютъ суевѣры, и змѣя выходитъ.

ЗМѢИ ОГНЕННЫЕ.

Суевѣрные думаютъ, что къ нѣкоторымъ женщинамъ и дѣвицамъ летаютъ ночью огненные змѣи, то есть, воздушные дьяволы, и имѣютъ съ ними сообщеніе, отъ чего тѣ женщины очень худѣютъ.

Проѣзжающіе по полямъ въ зимнее время ночью видятъ падающія съ неба звѣзды, которыя также почитаютъ за дьяволовъ и, крестяся, произносятъ: *аминь, аминь, разсыпься.*

ЗНИЧЬ.

Священный неугасимый огонь. По многимъ Славянскимъ городамъ онъ имѣлъ храмы, ему жертвовали частью изъ полученныхъ отъ непріятелей корыстей и плѣнными христіанами; къ нему также прибѣгали въ тяжкихъ болѣзняхъ. Корыстолюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая больнымъ отвѣты, о которыхъ увѣряли, что будто получили ихъ чрезъ вдохновеніе этого божества.

ЗОЛОТАЯ БАБА.

Богиня нѣкоторыхъ Славянъ. Храмъ ея стоялъ при рѣкѣ Обиго. Въ рукахъ держала она младенца, называвшагося ея внукою; возлѣ истукана лежало множество музыкальныхъ орудій, отъ которыхъ въ храмѣ повсеминутно происходилъ шумъ. Она почиталась пророчицею и давала отвѣты. Никто не смѣлъ пройти мимо богини, не принеся ей какой-нибудь жертвы; а ежели ничего не имѣлъ, то вырывалъ у себя волосъ, подносилъ его къ Золотой бабѣ, кланяясь въ землю, и этимъ думалъ ее умилостивить.

ЗУБЫ.

Когда у дѣтей падаютъ зубы, то велятъ ребенку стать къ запечкѣ задомъ, и бросить зубъ за печку, съ слѣдующею приговоркою: *мышка, мышка, на тебѣ зубъ рѣпяной, а ты дай мнѣ костяной*, вѣря, что отъ того зубы ростутъ скорѣе и безъ всякой боли.

ИГРА БѢСОВА.

Когда какая Башкирка, не за долго до разрѣшенія отъ бремени впадетъ въ болѣзнь, а особливо когда будетъ чувствовать сильное давленіе въ живо-

тѣ или судороги, тогда Башкирцы безъ всякаго сомнѣнія приписываютъ это прикосновенію нечистаго духа; въ такомъ случаѣ они призываютъ своего чародѣя, называемаго Шайтанъ Курязя (чертовидецъ), который съ великими обрядами дѣлаетъ съ чертомъ сраженіе и прогоняетъ его. Это-то и называется у Башкирцевъ *игрою бѣсовъ*.

ИДОЛЫ.

Сдѣланные руками человѣческими болваны, которыхъ древніе идолопоклонники почитали за боговъ подъ разными именами и видами.

Кромѣ идоловъ, имѣющихъ человѣческій образъ, язычники воздавали поклоненіе,—что еще и понынѣ осталось,—деревамъ, звѣрямъ, птицамъ и проч. Напримѣръ, Вотяки поклоняются скалѣ, видомъ подобной оленю, также почитаютъ своимъ идоломъ вѣтви пихтоваго дерева, а другихъ идоловъ, отправляясь на звѣриный промыслъ, носятъ въ своихъ сапогахъ.

Камчадалы чтутъ жерди съ обвостренными головками.

У Остяковъ богами признаются куклы.

Курильцы обоготворяютъ щепки или стружки.

Въ семидесяти верстахъ отъ Обдорска, въ лѣсу и понынѣ стоятъ такіе идолы; одинъ представляетъ мужское, а другой женское лицо; они одѣты сукномъ и мягкою рухлядью, обвѣшены жестяными изображеніями людей, звѣрей, птицъ, рыбъ, лодокъ и проч.; кругомъ ихъ лежатъ котлы, чашки и другая домашняя утварь; а на деревахъ около ихъ шалашей висятъ содранныя шкуры со звѣрей, принесенныхъ имъ въ жертву, да и по другимъ мѣстамъ, населеннымъ язычниками, встрѣчаются такіе же идолы. Нѣкоторыхъ домашнихъ своихъ идоловъ намазываютъ они жиромъ и кровью въ знакъ даваемой имъ пищи.

Язычники отдаютъ идоламъ большое почтеніе, но, не получая отъ нихъ помощи, поступаютъ съ ними и противно. Напримѣръ Остяки, видя, что нѣтъ хворому помощи отъ идола, котораго они просили, поносятъ его бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колотятъ.

ИЗУРОЧИТЬ.

Кто кому вдругъ подивится, или скажетъ: слава Богу, здоровенекъ! и тотъ похудѣетъ или занеможетъ,

про того говорятъ, что онъ изурочилъ, что у него слово худо; а если кто поглядитъ только, и отъ того человѣкъ или скотина захвораетъ, про того говорятъ, что онъ сглазилъ, что глазъ у него не хорошъ, дуренъ, изурочливъ.

ИЗЮМЪ.

Особаго согласія раскольники, такъ называемые *подрѣшетниками*, вмѣсто причащенія Святыхъ таинъ употребляютъ изюмъ, напитывая его какою-то отравою; вкусившие отъ этихъ ягодъ желаютъ смерти и хотятъ или сжечь себя, или удавиться, или утопиться, и многіе въ изступленіи ума своего сами себя погубляли.

ИКАТЬ.

Если кто икаетъ легко, то вѣрятъ, что его въ это время кто-нибудь поминаетъ, а если тяжело, то его бранятъ.

ИЛЬИНЪ ДЕНЬ,

то есть, день святаго пророка Иліи.

Пермяки собираются въ этотъ день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну и приводятъ съ собою быка

или теленка, котораго закалываютъ и всѣмъ обществомъ употребляютъ въ снѣдь. И такъ Пророкъ Илія бываетъ умоляемъ ими приношеніемъ быка, а Прокопій закланіемъ барана. Въ этотъ день нигдѣ не выгоняютъ стада, вѣря и другихъ увѣряя, что въ это время всѣ свирѣпые звѣри и ядовитыя гадины, оставляя свои жилища, ходятъ по лѣсамъ свободно.

ИМЯ.

Нѣкоторые суевѣры, при крещеніи дѣтей, даютъ имъ другое имя, а первое таятъ, увѣряя, что, не зная перваго или подлиннаго имени, колдунъ ничѣмъ не можетъ имъ повредить, т. е. сдѣлать ихъ оборотнями и проч.

При рожденіи посылаютъ на улицу, и кто первый попадется, даютъ младенцу его имя, а инотда призываютъ въ кумовья, думая, что отъ того младенецъ будетъ долголѣтенъ.

Корякамъ даютъ имя старыя бабы, ставятъ двѣ палочки, перевязываютъ ихъ ниткою на срединѣ, вѣшаютъ на ниткѣ камень, обшитый въ кожу каменнаго барана; а при этомъ, неизвѣстно, что-то шеп-

чутъ, и спрашиваютъ у камня, какъ назвать младенца? напоминая имена его сродниковъ, и на которомъ имени покачнется камень, такое даютъ и младенцу.

ИМЯНИНЫ.

Когда празднуютъ день чьихъ-нибудь имянинъ, то въ простонародіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняется еще слѣдуюшцій обычай:

Въ самомъ началѣ обѣда берутъ со стола большой, нарочно для того приготовленный пирогъ съ кашею, и разламываютъ его надъ головою имянинника: это означаетъ, что цѣлый годъ онъ будетъ жить въ благополучіи; и чѣмъ больше разсыпается по немъ каша, тѣмъ достаточнѣе жить ему. Надобно также, чтобъ во время этого праздника было непремѣнно что-нибудь разбито: это также служитъ признакомъ будущаго счастія, а когда этого не случится, то нарочно бьютъ рюмку или стаканъ. Имяниннику обыкновенно посылаютъ подарки, а въ иныхъ городахъ имянинникъ заказываетъ маркитанту или булочнику печь сгибни и посылаетъ по одному къ каждому изъ своихъ родственниковъ.

КАМЕНЬ.

Коряки, народъ, обитающій въ Сибири и ведущій осѣдлую жизнь, замѣчательны по очень-странному суевѣрному обыкновенію; многіе изъ нихъ имѣютъ вмѣсто женъ простые камни, одѣваютъ ихъ въ платье, кладутъ спать съ собою, и временемъ шутятъ съ ними и забавляются, какъ бы съ чувствующими эти шутки и забавы.

КАМУДА.

Камчадальскій женскій божокъ. Эти божки дѣлаются остроголовыми, и почитаются за тѣхъ бѣсовъ, которые будто бы вселяются въ женскій полъ во время пляски.

КАША.

Когда варившаяся въ печи каша выйдетъ на поверхность горшка и эта выпуклость будетъ имѣть наклоненіе въ задъ печи, то это предзнаменуетъ счастіе и изобиліе, а когда будетъ обращено къ устью печи, то предвѣщаетъ хозяину разореніе дома и бѣдность.

КИКИМОРА.

Кикиморы суть женщины, унесенныя въ младенчествѣ чертями и посаженныя на нѣсколько лѣтъ колдунами къ кому-нибудь въ домъ. Онѣ обыкновенно невидимы; однако иныя изъ нихъ иногда говорятъ съ хозяевами и обыкновенно прядутъ по ночамъ, и хотя не дѣлаютъ никакого вреда, но наводятъ страхъ своимъ неугомонствомъ. Говорятъ, что и мужской полъ сажаютъ такимъ же образомъ въ домъ, унося еще младенцами отъ матерей. Такіе младенцы воспитываются нечистыми духами,—и это называется: *дьявольскимъ навожденіемъ*.

Также плотники, когда имъ не заплатятъ за работу, какъ слѣдуетъ, будто бы сажаютъ въ домъ дьяволовъ или кикиморъ; такой въ насмѣшку посаженный дьяволъ бываетъ не очень спокоенъ, ломаетъ все въ домѣ, дѣлаетъ шумъ и стукъ, и наконецъ самаго хозяина выживаетъ изъ дому, отъ чего избавляютъ доки, или тѣже плотники, получивъ сполна за работу.

Древніе Славяне почитали кикимору ночнымъ божествомъ, наводящимъ сонныя мечтанія.

КЛАДБИЩА.

Многія могилы и кладбища язычники и магометане почитаютъ за святыя, вѣря, что въ нихъ погребены ихъ угодники. Въ пригородѣ Билярскѣ, тамошніе жители называютъ кладбище Балынъ-гози, Магометанцы, не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ отдаленныхъ мѣстъ съѣзжаются лѣтомъ къ этимъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными. Они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ святые, которые не только въ жизни своей, но и нынѣ еще дѣлаютъ различныя чудеса. Набожность и суевѣріе упомянутыхъ народовъ достойны также особливаго описанія: ибо нѣкоторые изъ нихъ, собирающіеся на это мѣсто моленія, отъ самой подошвы до развалинъ, находящихся на склонѣ горы, падши на колѣна,—причитаютъ святыхъ своихъ. Они чтутъ также и источникъ, вытекающій изъ этой горы. Воду его называютъ они священною, представляя себѣ, что будто бы святый ихъ, жившій поблизости отъ этого источника, пилъ его воду и омывался въ ней; для этого наполняютъ они ею нарочно привозимые для того сосуды, и увозятъ по домамъ своимъ, признавая, что она исцѣляетъ отъ болѣзней. По окончаніи обыкновенныхъ моленій, поклонники сходятъ на низъ горы, гдѣ, убивая гусей, овецъ и другихъ живот-

ныхъ, приготовляютъ въ честь своихъ святыхъ и для празднества наилучшій обѣдъ; притомъ не только тѣ, которые съѣзжаются для моленія, но и христіане, изъ любопытства смотрѣть ихъ приходящіе, могутъ быть участниками ихъ празднества и веселостей.

Почтеніе, воздаваемое упомянутымъ развалинамъ, осталось между Татарами отъ временъ праотцевъ ихъ, бывшихъ обладателями этой страны. Татарскіе Цари приставляли безпрестанную стражу ко гробу Балынъ-гози, и хранителями этого священнаго мѣста были шесть избранныхъ мужей. Когда Казань и всѣ области великой Татаріи были покорены подъ власть Россійскихъ Царей, въ тоже самое время разрушилась и эта священная для магометанъ палата, будучи оставлена безъ призрѣнія. Спустя нѣсколько времени, Татары, вспомнивъ про свое древнее святое мѣсто, просили новыхъ Государей своихъ, чтобы имъ позволено было возобновить упадшій и разоренный храмъ. Имъ было дано позволеніе; тогда они построили тутъ нѣсколько домовъ, поселивъ въ нихъ людей, принадлежащихъ къ роду тѣхъ, которые приставлены были во времена Татарскихъ Царей; они должны были, по старинному обычаю, быть стражами и хранителями этого мѣста; вскорѣ послѣ возобновленія каменной палаты, пришли туда

селиться предки нынѣшнихъ Билярскихъ жителей, которые, притѣсняя Татаръ, жившихъ у гробницы ихъ святаго, довели ихъ наконецъ до того, что они оставили это мѣсто и избрали себѣ другое жилище, а палата, покинутая безъ присмотра и разрушаемая новыми жителями, пришла въ совершенное опустѣніе.

КЛАДЪ.

Когда въ ночное время или днемъ покажется теплющаяся свѣчка или какое-нибудь животное, однимъ словомъ, что бы ни было, то должно по этому животному или по этой вещи тихонько ударить, сказавъ: *аминь, аминь, разсыпься,* и тогда представившееся явленіе оборотится котломъ или кубышкой съ деньгами. Это называется кладомъ. Котлы обыкновенно находятъ по явленію какого-нибудь животнаго на полѣ, въ лѣсу или въ саду, и такая экспедиція бываетъ опасна и сопряжена со многими страшными представленіями, ибо въ то время, какъ вынимаютъ котелъ, выбѣгаютъ изъ лѣсу черти и кричатъ: рѣжь, бей, губи! При такомъ случаѣ берутъ всегда въ помощь колдуна.

Клады зарываютъ въ землю такіе-же суевѣры и не объявляютъ объ нихъ даже при самой своей смерти.

Они думаютъ, что и на томъ свѣтѣ могутъ пользоваться тѣмъ имѣніемъ, которое при жизни утаили отъ другихъ.

КЛИКУШИ.

По народному суевѣрію кликушами бываютъ испорченныя женщины, которыя, приходя какъ бы въ неистовство, говорятъ всякій вздоръ, по временамъ кричатъ голосами разныхъ животныхъ, и выкликаютъ имя того, кто ихъ испортилъ.

КЛЮКВА.

Разказываютъ, что раскольники изъ Брынскихъ лѣсовъ, когда не могутъ уговорить кого къ вступленію въ ихъ согласіе, даютъ ему клюкву, напитанную какою-то отравою. Съѣвшій такую отравленную ягоду вдругъ начинаетъ чувствовать неодолимое желаніе идти въ Брынскіе скиты; если же кто, съѣвши эту клюкву, увидитъ огонь, то бросается въ него, приходя въ иступленіе ума, потому что ему будто бы представится рай и Ангелы, въ немъ сѣдящіе.

КОЛЮКА ТРАВА.

Когда дымомъ этой травы окурить ружье, то никакой колдунъ заговорить его не можетъ.

КОЛЯДА.

Славяне язычники почичали его богомъ. Главный идолъ находился въ Кіевѣ, и праздникъ, совершавшійся въ честь его 24 Декабря, сопровождался играми, веселіемъ и пированіями, при которыхъ не оставляли употреблять и обрядовъ, принадлежащихъ идолу Туру. И понынѣ въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ можно видѣть еще слѣды этихъ идолопоклоннических обрядовъ въ память идола Купалы. Въ день, называемый Сочевникъ, то есть, 24-го Декабря, на канунѣ Рождества Христова, къ вечеру, собираются нѣсколько дѣвокъ и мальчиковъ, и приходя подъ окно къ каждому хозяину дома, поютъ особую для того дня пѣсню, припѣвая имя каждаго хозяина и хозяйки и упоминая имя Коляды. Это называется колядовать, и обыватели даютъ за это пѣсенникамъ нѣсколько денегъ, а отъ того и во всѣ вечера, начиная отъ Рождества Христова до Крещенія, поютъ такъ называемыя подблюдныя пѣсни, дѣлаютъ игрища, наряжаются въ хари или

маски, одѣваются чертями, гадаютъ и льютъ олово и свинецъ въ воду и въ снѣгъ: это слѣды языческаго поклоненія Колядѣ и Туру.

Вотъ пѣсня, которую поютъ въ честь Коляды:

Виноградье красно почему спознать,
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его у двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ.
Ворота у него досчатыя,
Подворотички рыбья зубья;
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки,
Да дай, Боже, Устину Малофеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай, Боже, Улитѣ Сафроньевнѣ,
Съ высока терема дочерей выдавать,
Подари, государь, колядовщиковъ,
Наша коляда ни рубль, ни полтина.
А всего полъ-алтына.

КОМЕТА.

Явившаяся и проходящяя комета, особливо съ длиннымъ хвостомъ, въ простонародіи предзнаменуетъ

какое-нибудь общественное несчастіе, напр. болѣзни, голодъ, войну и проч.

КОСТЬ НЕВИДИМКА.

Должно отыскать черную кошку, на которой не было бы ни одного волоса кромѣ чернаго цвѣта, сварить ее, выбрать всѣ кости, потомъ положить ихъ передъ зеркаломъ, сѣсть самому и, смотрясь въ зеркало, класть каждую кость къ себѣ въ ротъ, и когда попадетъ та кость, то смотрящійся самъ себя не увидитъ въ зеркалѣ. Съ этою костью онъ можетъ ходить, куда хочетъ, и дѣлать, что угодно, будучи никѣмъ невидимъ.

КОШКА МОЕТСЯ.

Когда кошка умывается къ себѣ лапою, то это предвѣщаетъ, что къ хозяину въ тотъ день будутъ гости, а когда спитъ, подвернувши морду подъ брюхо, то предузнаетъ лѣтомъ непогоду, а зимою морозы.

КРОВЬ.

Кому во снѣ приснится кровь, то значитъ, что онъ увидится съ кровнымъ, то есть, съ родственникомъ, который пріѣдетъ издалека.

КУЗНЕЧИКЪ КУЕТЪ.

Кузнечикъ, который куетъ иногда по угламъ въ горницѣ, обыкновенно, какъ суевѣрные люди полагаютъ, выживаетъ живущаго изъ дому.

КУКЛЫ.

Остяки, въ знакъ почтенія къ людямъ, пользующимся у нихъ особеннымъ уваженіемъ, дѣлаютъ наподобіе ихъ куклы и ставятъ вмѣстѣ съ идолами, а вдовы иногда кладутъ такія, представляющія ихъ мужей, куклы съ собою въ постель, и при томъ, когда сами ѣдятъ, не забываютъ и имъ удѣлять нѣкоторую часть изъ своей пищи.

КУКУШКА.

Эта птица почитается суевѣрными людьми за предсказательницу. Сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ и остается жить тому человѣку, которому она кукуетъ.

КУПАЛО.

Божество Славянское! Этотъ идолъ почитался третьимъ по Перунѣ. Въ началѣ жатвы, въ день

праздника, установленнаго въ честь Купало, приносили ему жертвы отроки и дѣвицы, также мужья и жены, собирались въ вѣнкахъ и поясахъ, сплетенныхъ изъ травы или изъ цвѣтовъ, раскладывали большіе огни, вокругъ которыхъ плясали, взявшись рука за руку, и перепрыгивали черезъ нихъ, припѣвая въ пѣсняхъ своихъ идола Купало. Слѣды этого языческаго праздника сохранились въ народѣ и во времена христіанства. Іюня 29-го дѣлали, при совершеніи тѣхъ же обрядовъ, и качели, скакали на доскахъ и проч. Отъ этого празднества и 23-е Іюня названо днемъ Аграфены Купальницы.

КУРИЦА ПОЕТЪ.

У кого курица запоетъ пѣтухомъ, то это предвѣщаетъ, что съ хозяиномъ ея случится какое-нибудь несчастіе, что называется: *не передъ добромъ*. Тогда курицѣ той отвертываютъ голову, приговариная:

— *Не пой курица пѣтухомъ*, или: *на свою голову запѣла*.

КУСОКЪ ХЛѢБА.

Ежели кто, обѣдая или ужиная, отломитъ кусокъ хлѣба, не доѣстъ его и, забывшись, отломитъ дру-

гой, то это означаетъ, что кто-нибудь изъ родныхъ его терпитъ голодъ.

ЛАДО.

Славянская богиня браковъ, любви и веселія.

Сочетавшіеся бракомъ приносили ей жертвы, надѣясь получить отъ ней счастіе въ супружествѣ.

Въ Кіевѣ воздвигнутъ былъ въ честь ея великолѣпный храмъ.

ЛАДОНКА.

Простолюдины привѣшиваютъ и ее на тотъ снурокъ, на которомъ носятъ крестъ, вѣря, что тогда никакое колдовство не дѣйствительно.

Кто родился въ сорочкѣ, то ее кладутъ вмѣстѣ съ ладономъ, зашитымъ въ мошонку, и носятъ такія ладонки по смерть для счастья.

ЛАДОНЬ.

У кого чешется ладонь, тому въ этотъ день непремѣнно получать деньги.

ЛАСТОЧКА.

Ежели кто убьетъ ласточку, пиголицу, голубя или синичку, то суевѣрные говорятъ, что тотъ въ покупаемой имъ, какой бы то ни было, скотинѣ счастія имѣть не будетъ.

ЛИХОРАДКА.

Простолюдины увѣряютъ, что лихорадокъ девять сестеръ: онѣ крылаты и непріязненны человѣческому роду; содержатся въ челюстяхъ земныхъ, и когда спускаютъ ихъ, тогда безпощадно нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла, то однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняютъ лихорадочную дрожь и обитаютъ въ одержимыхъ лихорадками. Счастливъ тотъ, къ кому одна изъ этихъ сестеръ прикоснется въ то время, когда находится большое число людей, одержимыхъ болѣзнями, потому что лихорадки, перелетая отъ одного больнаго къ другому, не такъ долго трясутъ и даютъ отдыхать болящимъ; когда же имъ очень недосужно, приходятъ иногда черезъ день, черезъ два или три дня.

Лихорадки боятся собачьихъ удавокъ, свиныхъ гнѣздъ и проч.

ЛОШАДЬ.

Когда лошадь въ дорогѣ распряжется, то думаютъ, что въ домѣ кто-нибудь сдѣлался нездоровъ, а по большой части предполагаютъ, что жена измѣнила мужу.

ЛУНА.

Мордва почитаетъ мѣсяцъ нѣкоторымъ божествомъ. Увидя въ первый разъ новый мѣсяцъ, этотъ суевѣрный народъ кланяется ему и молитъ, чтобъ онъ во время своего правительства ниспослалъ счастіе; только жертвъ ему никакихъ не приносится.

ЛУЧИНА.

По народному суевѣрному вѣрованію, ежели кто имѣетъ привычку бить домашнихъ своихъ лучиною, то весь его домъ будетъ нездоровъ и всѣ изсохнутъ, какъ лучина.

ЛЕДА.

Подъ этимъ именемъ нѣкоторые Славяне почитали бога войны. Имя его, кажется, произведено отъ слова ледъ или леденѣть.

ЛЕЛЬО.

Сынъ Ладинъ, богъ любви и веселья. У Славянъ почитался онъ богомъ, воспламеняющимъ любовь, а братъ его, Дидо — богомъ, отвращающимъ эту страсть, когда она заронится въ сердцѣ дѣвицы или юноши.

ЛЕТУЧІЙ ОГОНЬ.

Такъ называютъ болѣзнь, случающуюся у дѣтей. Когда проявится она, то велятъ присѣчь больному къ тому мѣсту изъ кремня и огнива огонь, и увѣряютъ, что болѣзнь отъ того пройдетъ, безъ всякихъ другихъ стараній.

ЛѢШІЙ.

Суевѣрные люди увѣряютъ, что лѣшіи бываютъ мужскаго и женскаго пола и представляются то въ маломъ видѣ, то въ огромной величинѣ. Ходя между травою, становятся наровнѣ съ нею, а бѣгая по лѣсамъ, принимаютъ ростъ выше столѣтнихъ деревьевъ; кричатъ ужаснымъ голосомъ, хлопаютъ въ ладоши и откликаются, когда аукаютъ; обходятъ

кругомъ ходящихъ по лѣсу людей, — чрезъ что затмѣваютъ ихъ память, принуждаютъ блуждать до ночи, а потомъ уносятъ въ свои жилища.

Лѣшіе вѣшаются въ лѣсахъ по деревьямъ, у поселянъ, работающихъ въ лѣсу, выпрашиваютъ кусокъ пирога или хлѣба, и взявши, отходятъ и кричатъ: *шелъ да нашелъ;* крикъ этотъ сопровождается громкимъ хохотомъ. Лѣшіе уносятъ также маленькихъ дѣтей въ свои подземныя жилища и тамъ содержатъ ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти похищеныя дѣти освобождаются посредствомъ пѣнія за нихъ молебновъ, если только они, бывши у лѣшихъ въ гостяхъ, ничего не ѣли.

Лѣшіе всѣ косматые и большіе охотники до женскаго пола. Уносимыя ими дѣти бываютъ по возвращеніи дики и насилу привыкаютъ говорить и съ людьми обращаться. Лѣшіе сами выносятъ ихъ на то мѣсто, откуда взяли.

Ежели лѣшій въ лѣсу обойдетъ человѣка и тотъ потеряетъ дорогу, то долженъ все, находящееся на немъ платье, выворотить и надѣть на изнанку. Тогда пройдетъ сила обойденія, и человѣкъ, нашедши дорогу, по которой надобно выдти ему изъ лѣсу, можетъ избавиться отъ лѣшаго.

Эти страшилища, наводящія ужасъ на людей своимъ неистовымъ хохотомъ, раздающимся во мракѣ дремучихъ лѣсовъ, почитались у Славянъ лѣсными богами.

Вотяки называютъ лѣшаго Алида и увѣряютъ, что онъ имѣетъ обыкновенное свое пребываніе въ лѣсахъ. У него одна только нога, да и та наизворотъ, одинъ большой глазъ и пребольшая титька, которую втискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушаетъ.

ЛЯГУШКА.

Яицкіе козаки вѣрятъ дѣйствительно, что ежели во время багренія на Уралѣ рыбы попадется кому лягушка на багоръ, то тотъ во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя будетъ перемѣнять багры и мѣста. См. муравейникъ.

МАМОНТОВАЯ,

или слоновая кость. Жители по рѣкѣ Дону, находя слоновыя по берегамъ кости, вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что есть великій подземельный четверо-

ногій звѣрь, котораго бытіе открывается послѣ его смерти, то есть, эти кости не слоновыя, но того звѣря.

МАСЛЯНИЦА.

Вмѣсто приготовленія себя воздержаніемъ къ Великому посту, простолюдины почти всю эту недѣлю имѣютъ безъ снимаиія наполненный столъ особымъ, на этой недѣлѣ приготовляемымъ кушаньемъ, разнаго рода блинами, оладьями, преженцами и прочимъ, которое все вообще называется Масляницею, и отъ утра до вечера оставляя прочія упражненія, пьютъ и ѣдятъ. Ходятъ ко всѣмъ для прощанья; а къ кумамъ и кумамъ носятъ пряники, и также большіе косяки мыла; катаются на горахъ въ различномъ и смѣшномъ одѣяніи, также въ харяхъ и маскахъ. Въ послѣдній вечеръ Сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчъ зажигать.

МЕДВѢДЬ.

Остяки и другіе идолопоклонники предопредѣляютъ этому звѣрю послѣ смерти такую же, какъ и себѣ, участь. По убіеніи его, поютъ извинительныя пѣсни,

и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ особенное почтеніе, чтобы они въ царствѣ мертвыхъ имъ не мстили.

МЕДЮНЪ.

Лакомая Бухарская пища,—дѣлается наподобіе нашихъ маковниковъ, изъ толченаго маку съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣстъ медюна, тотъ становится послѣ него веселъ и замысловатъ.

МЕРТВЕЦЪ.

Пригрѣзившійся во снѣ мертвецъ значитъ, что будетъ снѣгъ.

МЕЧЕТЬ.

Магометанскія мечети обыкновенно строятся четвероугольными, съ небольшими башенками по четыремъ угламъ, сверху которыхъ Муэдзины сзываютъ народъ къ службѣ Божіей во времена, опредѣленныя закономъ. Эти мечети обыкновенно бываютъ внутри со сводомъ, въ которыя свѣтъ проходитъ чрезъ

многія окна; ничего въ нихъ болѣе не находится, кромѣ ковровъ и соломенныхъ рогожъ, постланныхъ на землѣ, вмѣсто скамей. Пришедшіе къ службѣ Божіей садятся, поджавъ ноги по восточному обыкновенію. Сверхъ сего есть еще одно возвышенное мѣсто, на которомъ Имамъ или священникъ, который отправляетъ службу, садится. Это мѣсто дѣлается всегда къ той сторонѣ, которая къ Меккѣ. Мечети освѣщаются въ ночное время чрезъ многое число паникадилъ, прицѣпленныхъ къ своду на копейное деревко вышиною. Впрочемъ въ магометанскихъ мечетяхъ все весьма чисто; а люди, которые въ нихъ входятъ, наблюдаютъ прилежно, чтобъ башмаки свои оставлять при дверяхъ, чтобъ не замарать пола. Когда нѣтъ золота и прочихъ украшеній, которыя въ богатыхъ видятся мечетяхъ, въ убогихъ, по крайней мѣрѣ, выбѣлены преизрядно бываютъ стѣны, на которыхъ многія мѣста изъ Алкорана расписаны. Предъ мечетью обыкновенно дѣлается небольшое четвероугольное мѣсто, окруженное преизрядно выбѣленными галлереями, гдѣ также видится написано имя Божіе съ главными его свойствами на многихъ мѣстахъ; а посрединѣ сего мѣста сдѣланъ фонтанъ, чтобъ тѣ, которые входятъ въ мечеть, всегда могли дѣлать свои омовенія, опредѣленныя закономъ. Которые хотятъ быть Имамами и Муллами, тѣ всеконечно должны знать Арабскій языкъ, потому что весь Алко-

ранъ написанъ симъ языкомъ; а сверхъ сего имъ надлежитъ читать, хотя нѣкоторую, часть наилучшихъ толкованій на сію книгу. Въ мечетяхъ читается Алкоранъ всегда по-арабски, хотя простой народъ Турецкій, Персидскій и Татарскій не разумѣетъ ни слова на семъ языкѣ. Кажется, что духовные магометанцы возлюбили такимъ же способомъ арабскій языкъ, какъ и католики латинской. Однако у магометанцевъ хотя уже сіе чинится для неразумія простаго народа, что Мулла, прочитавши нѣкоторое изъ Алкорана мѣсто, опредѣленное тому дню, обыкновенно прибавляетъ небольшое толкованіе на простомъ языкѣ, для тѣхъ, которые не знаютъ арабскаго языка. Имамъ у магометанцевъ не что иное, какъ у католиковъ приходскій священникъ а Мулла, какъ докторъ Богословія.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Когда кто похвалитъ младенца, то мать облизываетъ ему лице по три раза и плюетъ на землю, дабы уроки его не взяли; въ томъ же намѣреніи обмываютъ его всегда предъ спаньемъ во всякое время; а когда начинаетъ ходить, и въ первый разъ переступитъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ, и

рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая случится тогда между его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ его нехожденіе; а такой поспѣшностію и суевѣріемъ часто отрѣзываютъ у младенцевъ пальцы.

МОГИЛЫ.

По погребеніи покойника, Ижерцы ночью носятъ на могилы пищу, и зарываютъ ее въ оныя, вѣря, что и на томъ свѣтѣ люди жить долженствуютъ такъ же, какъ и здѣсь, для чего и пища имъ потребна; а какъ могилы ихъ весьма плоски, то оную пищу вырываютъ собаки; Ижерцы же, думая, что то съѣдаютъ мертвые, для того и много разъ это повторяютъ. Черемисы всякому умершему завязываютъ въ поясъ по нѣскольку копѣекъ, и сверхъ того надѣляютъ его посудою и другими домашними надобностями, кладутъ палку, чтобъ было чемъ обороняться отъ собакъ, и пучекъ розовыхъ лозъ, который, по ихъ мнѣнію, отвращаетъ злыхъ духовъ. Всякій провожатый за горящити на могилѣ свѣчами съѣдаетъ свой блинъ, и откуся три куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: это тебѣ пригодится; до выносу же покойникова горитъ предъ нимъ восковая свѣча, а на груди лежитъ пирогъ. Въ четвертокъ на Страстной недѣлѣ происходятъ общія помин-

ки: всякъ, засвѣтя на гробахъ свойственниковъ своихъ свѣчи, ѣстъ на оныхъ мясо или пирогъ, да и покойникамъ по небольшой долѣ оставляетъ на могилахъ. По зарытіи покойника въ землю, скачутъ иные народы черезъ огонь, вѣря, что смерть и душа покойника слѣдовать за ними уже не можетъ.

Изнемогающаго и при послѣднемъ издыханіи находящагося Татарина посѣщаетъ Мулла, и читаетъ надъ нимъ молитвы изъ Алкорана, до тѣхъ поръ, пока не умретъ. Умершаго обмываютъ, мужчину мужчины, а женскій полъ старухи, и въ награжденіе себѣ получаютъ все, что при смерти на покойникѣ ни было. Обмывъ, обвертываютъ холстомъ въ три ряда мужчину, а женщину въ пятеро; собираются всѣ знаемыя, ближнія и сосѣди мужескаго пола, и выносятъ изъ дому на лубкѣ или doскѣ вонъ головою. Не доходя шаговъ съ сорокъ до могилы, останавливаются и начинаютъ всѣ молиться Богу на полдень, такимъ же порядкомъ, какъ въ мечети. Проговоривъ молитвы, ставятъ покойника въ могилу на доскѣ или лубкѣ, гдѣ ему дѣлаютъ особенный погребъ въ боку, и проходъ въ оный закладываютъ, или досками, или лубьемъ, а остальное отверстіе засыпаютъ. Съ могилы семью умершаго уже не посѣщаютъ, но расходятся по домамъ; ибо послѣ умершаго пиршествовать прежде трехъ дней въ грѣхъ вмѣ-

няется, да и домашнимъ первые три дня заготовлять для себя пищу также не безъ грѣха; почему они и питаются только подаяніемъ своихъ сосѣдей. По прошествіи трехъ дней, уже собираются въ домъ умершаго всѣ знакомые, къ этому приглашается и Мулла, который читаетъ въ дому молитву. Награжденіемъ Муллѣ бываютъ, кромѣ денежнаго подаянія, кожи всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя на поминовеніе закалаются.

Другіе поминки бываютъ у нихъ по прошествіи семи дней, а третьи по прошествіи сорока дней: ибо они думаютъ, что душа приходитъ въ домъ свой въ это время, какъ ее поминаютъ; почему и Муэдзинъ не остается безъ платы; онъ получаетъ все оставшееся послѣ покойника, чтобы каждый вечеръ надъ могилою, или въ своемъ домѣ, читалъ просительныя молитвы на пользу умершаго.

Когда Калмыкъ близокъ къ смерти, то приходятъ къ нему Гелюни, и читаютъ свои молитвы, причемъ бываетъ и нѣкоторый родъ исповѣди, и молитвы продолжаются до послѣдняго Калмыцкаго издыханія, а какъ скоро умретъ, то Гелюнь, чтобы болѣе удостовѣриться въ смерти, ставитъ на столъ зеркало, и небольшую дорожку къ оному усыпаетъ золою, приказывая душѣ умершаго, чтобъ она никакихъ слѣ-

довъ на этой дорожкѣ не оставляла, и когда прозорливый Гелюнь ничего такого не примѣтитъ, указываетъ душѣ по своему Сударю, по какому пути она пѣшешествовать должна. Тогда приходятъ сродники и ближайшіе, и поютъ обыкновенную голосистую надгробную пѣснь. Гелюнь разсматриваетъ еще свой Сударь, и опредѣляетъ, куда усанадобить покойника. Имя, годъ и число его рожденія, день и часъ его кончины опредѣляютъ ему похороны. На иного падаетъ жребій, чтобы разтерзану быть звѣрями и хищными птицами, другому быть снѣдію рыбъ; третій сожигается въ пепелъ; а счастливаго предаютъ землѣ. Послѣднихъ обвертываютъ въ восчаную бумагу всѣ члены, и зарываютъ въ землю со всѣмъ его воинскимъ снарядомъ, куда принадлежатъ пищаль, лукъ, стрѣлы, сабля и сѣдло; а тѣхъ, которыхъ Калмыцкая судьба опредѣлила бросить въ воду, или повергнуть на снѣдь зрѣрямъ, збрую кладутъ въ капищахъ, по видимому, для вооруженія бурханскихъ силъ. Но Черноморскіе козаки и другіе проѣзжающіе не рѣдко сіе суевѣріе въ свою пользу употребляютъ. Напротивъ того Калмыки вооружаютъ себѣ нѣкоего надъ сими вещами скрытнаго пристава, который всѣхъ, дерзающихъ похитить что-нибудь изъ сего освященнаго мѣста казнитъ смертію. Умершихъ никогда они не выносятъ изъ кибитки въ двери, но поднимаютъ одно звено сзади, куда и вы-

таскиваютъ. Надъ погребенными ставятъ четыре шеста, обращенные на всѣ части міра; на шестахъ вѣшаютъ значки съ надписью, года и числа, рожденія и кончины покойника съ молитвою къ Бурханамъ.

Оставшееся имѣніе дѣлятъ между собою ближайшіе сродники, какъ то: дѣти и проч. на равныя части. Кибитку со всѣмъ приборомъ получаетъ Гелюнь и прочіе причетники.

Ханы и другіе знатные владѣльцы отъ похороннаго жребія изключаются, но имъ Калмыцкая судьба отъ вѣка предопредѣлила по смерти быть сожженными, выключая одни головныя кости, которыя съ остальнымъ пепломъ кладутся въ золотой сосудъ и отсылаются къ Далайламѣ, гдѣ всѣ ихъ угодники опочиваютъ, и которыхъ они Беглючи называютъ. Сосудъ, наполненный ханскимъ пепломъ, должны провожать и великіе подарки, дабы умилостивить ихъ святыню и исходатайствовать вѣчное Хану блаженство. При такихъ случаяхъ и многіе зажиточные Калмыки посылаютъ дары своимъ угодникамъ, Далайламѣ и всему его прибору для благоденствія своей душѣ и отшедшей братіи. Оттуда возвращающіеся привозятъ извѣстіе, гдѣ чей сродникъ находится, въ какомъ именно раю или мукѣ, и какими средствами можно кого

избавить отъ муки; ибо Далайлама, по ихъ суевѣрію, получаетъ обстоятельныя извѣстія отъ своего гаданія обо всемъ, что на ономъ свѣтѣ ни происходитъ, и можетъ своимъ предстательствомъ изъ беззаконника произвесть въ святые.

Чуваши кладутъ своихъ покойниковъ въ худые гроба во всемъ одѣяніи, и похороняютъ, оборотя головою къ западу. Общее кладбище, которое выбираютъ они въ отдаленіи, какъ отъ деревни, такъ и отъ керемета, и отъ всѣхъ большихъ дорогъ, называется у нихъ Мазаръ. Трижды отправляютъ они погребеніе своего сродника, и къ тому нынѣ называютъ Среду на Страстной недѣлѣ, семикъ, то есть Четвертокъ передъ Пятницею, и 8 число Ноября, которое Юбуихъ они называютъ; въ сей послѣдній день не токмо приносятъ у могилы жертву, но и въ головахъ у покойнаго ставятъ деревянные столбы. Выкопавъ яму, въ которую должно столбъ поставить, бросаетъ всякій изъ находящихся притомъ по куску мяса, и вливаютъ нѣсколько браги, потомъ жертву ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Для погребенія мертвыхъ копаютъ они могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплетаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго поверхъ земли въ платьѣ, покрываютъ вѣтвями и засыпаютъ землею, но

подлѣ головы, обыкновенно лежащей къ сѣверу, вколачиваютъ толстый колъ, и не вынимаютъ онаго до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ сдѣлаютъ могильный бугоръ; а какъ оный колъ вынутъ, то остается дыра въ могилѣ. Въ каменистыхъ мѣстахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ тѣломъ, потому неудивительно, что во всѣхъ степяхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, которыхъ число и впредь умножаться будетъ. Однако по большой части хоронятъ они мертвыхъ около могилъ тѣхъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и притомъ подлѣ старыхъ мечетей, а особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже много старыхъ могилъ находится.

Погребеніе умершему Черемису бываетъ такимъ образомъ: Прежде всего обмываютъ умершаго водою, по обычаю другихъ народовъ; потомъ надѣваютъ на него чистую рубашку, онучи и лапти, что все должно быть сдѣлано изъ новаго полотна и въ самый день смерти его. Могилу выкапываютъ въ общихъ ихъ кладбищахъ, и вырывъ яму, ставятъ въ нее три доски, между каторыхъ кладутъ мертвое тѣло, и съ нимъ вмѣстѣ ножикъ, кочетыгъ (дабы, пришедъ на тотъ свѣтъ, могъ плести себѣ лапти), деревянную палочку (палочку съ умершимъ кладутъ съ такимъ намѣреніенъ, чтобъ онъ могъ оборониться отъ лютости псовъ, которые находятся въ

томъ свѣтѣ, гдѣ онъ по смерти находиться долженъ) и пукъ прутьевъ изъ шиповаго дерева, а сiе для того, что бы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго; ибо, по мнѣнiю ихъ, демонъ опасается сихъ прутьевъ. Между тѣмъ, когда происходятъ сiи странные обряды, подходятъ родственники къ мертвому тѣлу и непрестанно говорятъ: итлютъ вестюнза каипъ манышъ, то есть, ничего не бойся мертвый. Не понимая и не могши отъ нихъ узнать, къ чему такiя увѣренiя безчувственному тѣлу, спрашивающимъ они отвѣчаютъ: что мы возрасли при этихъ обрядахъ безъ всякаго разумѣнiя, а, только слѣдуя примѣру отцевъ нашихъ, хранимъ, ни сколько ихъ не нарушая. Совершивъ эти обряды, покрываютъ мертваго кафтаномъ, и тотчасъ засыпаютъ землею. Поверхъ засыпанной могилы кладутъ часть испеченнаго хлѣба. Испеченный хлѣбъ кладутъ для того, чтобы умершiй, пришедши на мѣсто, которое для него назначено богами, имѣлъ бы на первый случай пищу, и вокругъ его настанавливаютъ столько зазженныхъ свѣчъ, сколько изъ дому умершаго прежде умерло. Этими свѣчами на тотъ часъ изображаютъ они подобiе умершихъ предковъ, а потому и говорятъ слѣдующiя слова: живите на томъ свѣтѣ согласно и не бранитесь между собою. Сколько ни странны ихъ разные прiемы во всѣхъ ихъ обрядахъ, но смѣшнѣе еще то, что они, зарыв-

ши въ землю мертвое тѣло, огораживаютъ могилу наподобіе околицы; а это для того, чтобъ мертвый не выходилъ изъ сей ограды и не топталъ бы на ихъ поляхъ растущаго хлѣба.

Женщины, какъ я уже упомянулъ, при всенародныхъ празднествахъ не бываютъ; но во время похоронъ допускются жены и мать умершаго, кои, плакавши надъ могилою, одѣляютъ деньгами бѣдныхъ людей.

Черемисы, хотя и вѣруютъ въ безсмертіе души, но ничто такъ несходно съ обычаями древнихъ Скиѳовъ, какъ размышленія Черемисъ о смерти: ибо какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ, что они, оставя сей свѣтъ, вступятъ въ предѣлы міра, устроеннаго на небесахъ, гдѣ, принявъ новое бытіе, будутъ жить въ тѣхъ же сластолюбіяхъ и заботахъ, которымъ подвержены были на земли. Для поминокъ назначаютъ какую-нибудь пустую храмину, а иногда и жилую избу, становятъ при дверяхъ ея двѣ деревянныя чаши: въ одну кладутъ испеченые блины, а другую наполняютъ свареннымъ пивомъ; предъ ними кладутъ бѣрезовое полѣно, которое обставляютъ множествомъ восковыхъ свѣчъ: ибо каждый Черемисянинъ долженъ поставить столько свѣчъ, сколько велико число умершихъ изъ роду его; а сіе для того, чтобы сей зажженный свѣтъ

освѣщалъ ихъ въ томъ мрачномъ обиталищѣ, гдѣ они, по мнѣнію ихъ, на томъ свѣтѣ обитаютъ. Чаша, стоящая съ блинами и пивомъ, наполняется еще малыми кусками и каплями, которыя бросаютъ и льютъ поминающіе своихъ родителей и притомъ говорятъ: умершіе имѣйте пищу и питіе. По окончаніи этихъ странныхъ обрядовъ, выносятъ они обѣ чаши на дворъ, и выбрасываютъ на чистое мѣсто, гдѣ тотчасъ съѣдаютъ все собаки.

Вотяки похороняютъ своихъ умершихъ такъ точно, какъ бы они за вѣрное знали, что они въ часъ смерти своей вступаютъ въ другую жизнь, подобную здѣшней. Они кладутъ съ ними топоръ, ножикъ, чашку, ложку, котелъ, кочетыгъ, новыя лапти, и тому подобныя вещи, ими употребляемыя, дабы мертвый не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, пришедъ на мѣсто небеснаго жилища. Мнѣніе ихъ о душахъ человѣческихъ согласно съ Черемисами, и обряды погребенія являютъ тоже самое невѣжество, которое свойственно народамъ, покрытымъ тмою идолослуженія, и водимымъ стремленіемъ пустаго и несообразнаго суевѣрія.

Киргизцы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе, и могилы осыпаютъ камнемъ и землею, а иногда ставятъ надъ ними зданія, изъ дерева или дикаго камня сооруженныя. Посрединѣ этого вклю-

чается тѣло усопшаго, положенное на коврѣ; тамъ родственники и пріятели его окружаютъ его, изъявляютъ знаки своего сокрушенія и горести и внемлютъ молитвѣ, читаемой ихъ Муллою, который вмѣстѣ съ этимъ моленіемъ прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство, его храбрость въ военныхъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія усопшаго, наслѣдникъ его имѣнія приготовляетъ пиръ, употребляя притомъ слѣдующіе обряды: Онъ долженъ жертвовать при этомъ нѣкоторою частью своего имѣнія, какъ то: однимъ или двумя плѣнниками, столькимъ же числомъ верблюдовъ, десятью или двадцатью лошадьми, нѣкоторымъ числомъ барановъ и т. п. Основаніе этого праздника заключается въ томъ, чтобъ награждать тѣхъ людей, которые при этомъ многочисленномъ стеченіи народа окажутъ искусство въ конномъ ристаніи; для этого каждый приготовляетъ для себя лучшую лошадь, не исключая изъ того и самаго наслѣдника. Чтобъ все это происходило безъ споровъ, избираютъ двухъ знатныхъ посредниковъ, дабы тѣмъ справедливѣе было засвидѣтельствовано проворство этихъ дикихъ рыцарей.

Одинъ изъ наѣздниковъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начинается ристилище; другой тамъ, гдѣ назначено имъ съѣзжаться. Имъ неизвѣстно, какое число верстъ составитъ разстояніе, которые скачутъ

они взапуски; по словамъ ихъ, надо думать, что оно составляетъ не менѣе сорока верстъ, потому что приготовляющіеся къ этому ристанію ѣдутъ сначала очень тихо, съ вечера до полудни другаго дня; а въ этотъ день, когда спадетъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать обратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ назначенныя имъ награды и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ, сопровождающійся, по окончаніи, разными увеселеніями. Плѣнника, какъ лучшую награду, беретъ тотъ, который опередитъ всю толпу народа, торжествующаго на этомъ празднествѣ, панцырь дается второму наѣзднику, третій получаетъ верблюда, четвертый—кармазинный кафтанъ и шапку, пятый лошадь со всѣмъ приборомъ. Сверхъ того наслѣдникъ имѣнія долженъ выставить на смотръ народу лучшія сокровища усопшаго. Любимая его лошадь должна стоять въ наилучшемъ своемъ убранствѣ, покрытая чернымъ сукномъ; на другихъ лошадяхъ раскладываютъ лучшую одежду усопшаго, военные снаряды, богатые ковры и проч. Всѣ вещи привязываютъ къ протянутой веревкѣ: далѣе стоятъ его жены, надрывающіяся отъ слезъ, также всѣ его плѣнники и плѣнницы.

Этотъ обрядъ основанъ на томъ, чтобъ показать народу, сколько имѣнія пріобрѣлъ усопшій при жизни своей, и чрезъ то оставить его въ добромъ мнѣ-

нiи у всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями прiобрѣтеннаго имъ имущества. Надъ тою кибиткою, гдѣ было жилище усопшаго, выставляется черный значекъ, въ знакъ сокрушенiя оставшейся семьи.

МОДА.

Мода распространяетъ свою власть даже и на безобразiя человѣческiя, напримѣръ: у насъ рыжiе волоса почитаются безобразiемъ, а въ горахъ Кавказскихъ особенною красотою для женщинъ. Съ этою цѣлью подкрашиваютъ ихъ разными мазями, точно такъ, какъ нѣкоторыя женщины у насъ чернятъ свои зубы. Обыкновенно женщины для украшенiя носятъ въ ушахъ серьги, а поселившiеся въ Россiи Персiяне и другiе языческiе народы продѣваютъ въ носъ кольца. У насъ женщины вышиваютъ платья разными узорами, а Камчадалки вышиваютъ на тѣлѣ своемъ кожу, а также и лицо.

МОЖЖЕВЕЛЬНИКЪ.

Башкирцы и другiе народы вѣрятъ, что можжевельникъ выгоняетъ изъ жилища всѣхъ злыхъ духовъ и предохраняетъ отъ всякихъ волшебныхъ наговоровъ.

МУРАВЕЙНИКЪ.

Должно найдти пару лягушекъ, положить ихъ въ буракъ, надѣлавъ на немъ дырокъ, бросить въ муравейникъ и бѣжать не оглядываясь, потому что произойдетъ великій крикъ отъ демоновъ, которые будутъ просить, чтобъ бѣгущій оглянулся; но когда онъ оглянется, тогда сдѣлается ихъ добычею. Пришедъ черезъ три дня, должно вынуть буракъ и въ немъ окажутся только одни косточки, между которыми найдутся вилочка и крючечекъ. Эти вещи имѣютъ особенную силу въ чародѣйствѣ. Кто хочетъ, чтобъ какая-нибудь женщина его полюбила, тотъ долженъ потянуть непримѣтно крючечкомъ за ея платье; если же хотятъ, чтобъ женщина разлюбила; то стоитъ только отпихнуть ее вилочкой, и она въ туже минуту забудетъ того человѣка, который былъ любимъ ею.

МУХОМОРЪ.

Камчадалы почитаютъ этотъ грибъ богомъ пьянства и обладателемъ злыхъ зелій. Употребляющіе мухоморъ бредятъ какъ въ горячкѣ; имъ представляются разныя видѣнія, веселыя или страшныя, смотря по различію темперамента. Одни пляшутъ, другіе пла-

чутъ или находятся въ великомъ ужасѣ; имъ скважины кажутся большими дверьми, а ложка воды—моремъ. Нѣкоторымъ мухоморъ приказываетъ удавиться, для того, что люди будутъ имъ дивиться, а другимъ утопиться или заколоться. Употребляющіе этотъ грибъ умѣренно чувствуютъ веселье, ловкость и отважность, такъ, какъ Турки, которые наѣдаются опіума.

МУШКИ.

Въ прежнее время налѣпляли мушки на лицо, и вотъ происхожденіе этого обыкновенія:

Какой-то Государь имѣлъ у себя любимца, занимавшаго первое мѣсто въ государствѣ, но прежде былъ онъ простолюдинъ. Въ одно время Государь спросилъ его: почему онъ могъ такъ скоро возвыситься.

Любимецъ отвѣчалъ:

— Государь! я уже десять лѣтъ пользуюсь благосклонностью одной дамы, но не знаю ея имени и ни разу не видалъ ее въ лицо, потому что ночью меня берутъ изъ дому съ завязанными глазами и переносятъ въ комнату, въ которой нѣтъ оконъ, а также и свѣчъ въ нее не вносятъ. Будучи возведенъ

ею изъ простаго состоянie въ столь знатные чины, я, изъ благодарности, не смѣю спросить ее объ имени ея, а она сама не открываетъ мнѣ, какъ ее зовутъ.

Государь, услышавъ это, пожелалъ изъ любопытства узнать эту особу, и придумалъ для того слѣдующее средство: Онъ далъ своему любимцу кусокъ адскаго камня и велѣлъ сдѣлать имъ знакъ на лицѣ этой дамы въ то время, какъ будутъ они вмѣстѣ. Любимецъ исполнилъ приказанie своего Государя, который поутру назначилъ при дворѣ балъ и приказалъ пригласить всѣхъ дамъ. Отмѣченная дама, вставши поутру, увидѣла на лицѣ у себя пятно, которое однако же было сдѣлано очень искуссно. Ей необходимо должно было ѣхать на балъ, а съ такимъ знакомъ появиться было стыдно, хотя она и не знала тому причины. Острота женскаго разума тотчасъ представила ей средство скрыть этотъ знакъ подъ мушку. Налѣпивъ на лицо себѣ мушку, она увидѣла, что красота ея отъ того ни сколько не испортилась. Дама приказала налѣпить тотчасъ же еще больше мушекъ и послала ко многимъ знакомымъ съ извѣстiемъ, что она получила эту моду изъ другаго государства. Такимъ образомъ всѣ дамы прiѣхали ко дворцу съ мушками на лицѣ. Придворные дивились такой модѣ, а Государь и его любимецъ находились въ чрезвычайномъ недоумѣнiи,

не находя возможности отыскать ту даму, которую такъ любопытно было имъ узнать. Государь придумалъ новую хитрость: онъ притворился недовольнымъ такою модою, и когда каждая дама принуждена была снять это украшеніе, то узнали и ту, которую любопытно было открыть. Эта исторія кончилась бракомъ, а мушки остались потомъ на долгое время въ употребленіи.

МЫШИ.

Торговые крестьяне и даже нѣкоторые купцы вѣрятъ, что ежели изъ купленнаго товара мышь въ скоромъ времени что-нибудь попортитъ, то товаръ скоро и съ барышемъ сойдетъ съ рукъ.

МѢДЯНИЦА.

Эту гадину почитаютъ очень вредною, представляютъ ее слѣпою и говорятъ, будто она получаетъ зрѣніе только въ Ивановъ день. Тогда она, увидѣвъ человѣка, бросается на него и пробиваетъ его насквозь наподобіе стрѣлы.

НАПУСКЪ.

Увѣряютъ, что колдуны напускаютъ на иныхъ страхъ, на иныхъ пьянство и разныя пристрастія,

отъ которыхъ можно избавиться не иначе, какъ при помощи чародѣя.

НОГТИ.

Суевѣры, и по большой части такъ называемые старообрядцы и раскольники, остригая ногти, кладутъ ихъ въ особый мѣшечекъ; приказываютъ по смерти своей класть ихъ съ собою въ гробъ, вѣря несомнѣнно, что на томъ свѣтѣ спросятъ у нихъ отчетъ во всякомъ остриженномъ или отрѣзанномъ кускѣ ихъ ногтя, а для того Аввакумовцы задѣлываютъ ногти въ перстни.

Бухарки красятъ у себя ногти на рукахъ измятою гвоздикою въ желтый цвѣтъ.

ОБИЛІЕ ДЕРЖАТЬ.

Мнимые волхвы, бывшіе въ Россіи въ древнія времена, при наступленіи голода увѣряли народъ, что есть между ними такія женщины, которыя удерживаютъ у себя подъ кожею—иная жито, иная медъ, иная рыбу, иная бѣлку. У этихъ женъ, по согласію непросвѣщеннаго народа, вырѣзывали эти вещи ме-

жду плечъ, чѣмъ много погубили женскаго пола; однако волхвы за такой обманъ были казнены Великими Князьями.

ОБЛИВАНІЕ ВОДОЮ.

Древніе Славяне приносили жертвы озерамъ, рѣкамъ и источникамъ, для умноженія плодовъ земныхъ, а не рѣдко и людей бросали въ воду, въ память чего и нынѣ многіе суевѣры, въ первой день Свѣтлой недѣли и въ другіе праздники, когда кто проспитъ заутреню, того обливаютъ водою или погружаютъ въ рѣку, озеро или колодезь.

ОБМЕРЕТЬ.

Обмирающіе, пришедши въ чувство, разсказываютъ, что они чувствовали все, что было съ ними на томъ свѣтѣ, какъ водили ихъ по мытарствамъ и спрашивали въ грѣхахъ отчета. Они утверждаютъ, что имъ только трехъ словъ не велѣно сказывать.

ОБМОРОЧИТЬ.

Представить вещь иною, нежели какою она въ самомъ дѣлѣ есть. Цыганки, ходя по крестьянскимъ

домамъ, ворожатъ, и когда замѣтятъ, у которой крестьянки въ коробкѣ деньги, то будто-бы оборачиваютъ таковыхъ мертвыми мышами, подъ видомъ которыхъ цыганка беретъ деньги у легковѣрной женщины и уходитъ съ ними.

ОБОРОТНИ.

Вѣдьмы оборачиваются въ разныхъ животныхъ и оборачиваютъ въ нихъ на время другихъ людей по злобѣ на нихъ и въ наказаніе.

ОРЕЛЪ.

Якуты воздаютъ этой птицѣ божескую почесть, и очень берегутся, чтобъ ее не убить.

ОСИНА.

По мнѣнію суевѣровъ это дерево проклято за то, что на немъ будто бы удавился Іуда, и потому на этомъ деревѣ, хотя бы никакого вѣтра не было, листочки всегда шевелятся; оно же имѣетъ чрезвычайную силу противъ колдуновъ, и когда такому умершему и встающему изъ могилы вколотятъ между плечъ осиновый колъ; то умершій уже не встанетъ никогда.

ПЕРЕДНІЙ УГОЛЪ.

Пришедши въ гости, не должно садиться въ переднемъ углу, ибо суевѣрные люди говорятъ, что впереди должно сидѣть только попу, или дураку, первому изъ уваженія къ его сану, а дураку для того, что онъ всегда ищетъ себѣ болѣе почтенія, нежели сколько стоитъ.

ПЕРЕНОСЬЕ СВЕРБИТЪ.

У кого свербитъ переносье, тому слышать про покойника.

ПЛАТЬЕ.

Ежели кто, выходя изъ чужаго дома, прищемитъ дверями полу или подолъ платья, то это значитъ, что ему опять придется возвратиться въ тотъ домъ.

ПЛЕВАТЬ.

Ежели кто плюнетъ нечаянно на свое платье, то это значитъ, что имѣть въ скоромъ времени обнову или терпѣть напраслину.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Въ этотъ день въ дорогу не ѣздятъ, опасаясь несчастія.

ПОРЧИ.

Портятъ людей колдуны и колдуньи, лишаютъ ихъ разума, отвращаютъ жену отъ мужа, или мужа отъ жены, впускаютъ въ животъ змѣю, или какую-нибудь жесткую вещь, и тогда испорченная баба говоритъ, что у нея подкатывается подъ сердце, и будто пирогъ лежитъ.

ПРИМѢТЫ.

Простолюдины утверждаютъ, что если кто родится злымъ человѣкомъ, то на того природа кладетъ особый знакъ: онъ бываетъ или косъ, или рыжъ, или картавъ; напротивъ того, кто хорошъ лицомъ, тотъ злымъ быть не можетъ.

ПРЫГУНЪ, СКАКУНЪ И РАЗРЫВЪ.

Увѣряютъ, что эти травы особую имѣютъ въ колдовствѣ силу, и что безъ нихъ никакого клада вынуть не возможно.

ПУГОВИЦЫ.

Если кто, одѣвшись, застегнетъ пуговицы не по порядку; то вѣрятъ, что въ тотъ день быть ему пьянымъ или битымъ.

ПЯТНИЦА,

то есть пятый день недѣльный, Пятокъ. Ежели кто въ сей день и въ Понедѣльникъ что-нибудь предпринимаетъ; то успѣха будто бы изъ того ожидать не должно; въ этотъ день прясть и шить почитаютъ бабы за грѣхъ, и ожидаютъ въ наказаніе или ногтоѣды злой, или заусеницы неизлечимой.

РОДИНЫ.

Когда женщинѣ приспѣетъ время родить, то часъ рожденія стараются таить, вѣря, что отъ того женщина родитъ легко, а въ противномъ случаѣ тяжело. Кормятъ за столомъ отца новорожденнаго кашею, кума и другія женщины, такимъ образомъ отецъ высылается на сіе время вонъ; потомъ, взявъ столовую лошку, кладутъ въ нее по пропорціи горчицы, перцу, хрѣну, соли, уксусу, сорочинскаго

свареннаго пшена, то есть каши бабкиной, и обсыпавъ сахаромъ, принуждаютъ это съѣсть хозяина, знаменуя тѣмъ, чтобы и онъ при родинахъ что-нибудь претерпѣлъ болѣзненное, такъ какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ такъ-называемую порушку; оная дѣлается изъ сухой развареной малины, подслащенной сахаромъ или медомъ; сей порушки посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Когда женщина у Мордвы на сносяхъ и видитъ, что уже ей приходитъ время родить; тогда всякій день готовятъ баню, и въ банѣ родить почитаютъ легче, нежели въ избѣ; бабушка всегда неотходно бываетъ при роженицѣ, почему и не дозволяется до самаго разрѣшенія отъ бремени никому входить въ баню. Когда женщина родитъ, то ее обмываютъ, и обмывъ, выходитъ бабушка, и сказываетъ отцу, сродникамъ и сосѣдямъ о рожденіи младенца: однако еще не допускаетъ никого до роженицы, пока она не сдѣлаетъ крутой каши и не напечетъ блиновъ, и снарядивъ оными въ банѣ столъ, впущаетъ всѣхъ знакомыхъ; потомъ бабушка по принятому обыкновенію начинаетъ молиться, и даетъ имя младенцу по своему желанію, а иногда младенецъ получаетъ имя отъ того, кто первый бабушкѣ попа-

дается; какъ скоро наречено будетъ имя младенцу, тогда бываетъ у нихъ пиршество и тѣмъ всѣ обряды кончаются.

25-е ДЕКАБРЯ.

Въ этотъ день, по мнѣнію простолюдиновъ, не должно выпускать скотины изъ хлѣвовъ. Мордва каждое Воскресенье, а особенно въ этотъ день, приноситъ въ жертву птицъ, пирожное и напитки.

РОЗЫ.

Простаки увѣряютъ, что съ самаго распущенія розъ, то есть, отъ той поры, какъ оныя расцвѣтутъ, до послѣдняго числа Августа опасна бываетъ обѣденная пора.

РОЩИ.

Лѣса и роща у Славянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были посвящены ихъ богамъ; а иныя и совсѣмъ обоготворялись: не позволялось въ нихъ ловить ни птицъ, ни звѣрей, а также и рубить деревья, подъ опасеніемъ за то лишиться жизни.

РУСАЛКИ,

дьяволы женскаго рода, живущіе въ горахъ, рѣкахъ и болотахъ. Онѣ имѣютъ весьма долгіе волосы, и увѣряютъ простаки, что часто ихъ видятъ бѣгающими по горамъ, и сидящими на берегахъ рѣкъ, гдѣ онѣ чешутъ длинные свои волосы, и когда только увидятъ они человѣка, то тотчасъ бросаются въ воду. Древніе Славяне почитали ихъ богинями водъ и лѣсовъ, поклонялись имъ и приносили жертвы. По мнѣнію ихъ, онѣ имѣютъ весьма долгіе зеленые волосы.

СОБАКА ВОЕТЪ.

Когда въ которомъ домѣ собака завоетъ, то увѣряютъ, что быть тамъ несчастію; а ежели на кого собака потянется, то предвѣщаетъ ему обнову.

САБАНОЕ

праздество прозвано отъ хлѣбопашнаго орудія сабана, потому что оно торжествуется предъ начинаніемъ пашни; торжество сіе смѣшано съ свѣтскими и религіозными обрядами, и происходитъ слѣдующимъ образомъ:

У Башкирцевъ вечеромъ собираются молодыя ребята всей деревни на верховыхъ лошадяхъ, проѣхавъ деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ домомъ дѣлаютъ великій крикъ и стукъ, до тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому чѣмъ-нибудь не наградитъ. Собравъ подворную пошлину, молодежь разъѣзжается по своимъ дворамъ и поутру, до самаго солнечнаго восходу, вся ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назначивъ не малое разстояніе, пускается скакать во всю прыть, при въѣздѣ въ деревню стоятъ обоего пола зрители, а въ извѣстномъ разстояніи отъ зрителей, парень или дѣвочка держитъ на шестѣ привязанный бѣлый платокъ, вышитый по угламъ, который достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошади перегонитъ и первый сорветъ съ древка платокъ. По окончаніи рыцарства, всѣ деревенскіе жители сходятся въ мечеть на молитву, и просятъ Бога объ урожаѣ хлѣба; послѣ сего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество, а у молодыхъ разныя забавы.

Святые, почитаемые Финнами католическаго исповѣданія. Наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ Финны затопляютъ баню и, снабдивъ ее теплою и холодною водою, также вениками и прочими принадлежностями, ставятъ на столахъ кушанье. Хозяинъ, одѣвшись въ лучшее платье, какое только есть у него, и не по-

крывая ничѣмъ головы, растворяетъ при наступленіи сумерекъ ворота своего дома, какъ будто принимаетъ гостей; послѣ того отпираетъ баню, и погодя не много, запираетъ ее опять. По прошествіи нѣкотораго времени, онъ отпираетъ и растворяетъ настежь банныя двери для выхода своихъ святыхъ, будто бы мывшихся въ банѣ, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ сткляницу хлѣбнаго вина.

Въ честь идолу, чтимому подъ именемъ Кирки, языческіе Финны, въ день Всѣхъ Святыхъ, заколали на самой утренней зарѣ ягненка, котораго, очистивъ и не отрѣзывая у него никакой части, варили, а потомъ ставили на столъ и употребляли въ пищу.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

Это великолѣпное явленіе, названное сѣвернымъ потому, что бываетъ обыкновенно въ холодныхъ климатахъ, суевѣрные простолюдины почитаютъ предзнаменованіемъ цѣлому государству какого-нибудь несчастія, напр. мора, голода, нашествія непріятелей и проч. Сѣверное сіяніе простой народъ называетъ огненными столбами, которые, сходясь между собою, вступаютъ въ сраженіе; иногда въ суевѣрномъ во-

ображеніи ихъ представляется, будто видятъ они воздушныя силы, сражающіяся въ эфирномъ пространствѣ между собою.

СЕМИКЪ.

Этотъ день и слѣдующіе за нимъ еще три древніе Славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при томъ всякую роскошь и веселіе. Дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали, и свивая изъ вѣтвей вѣнки, цѣловались сквозь оные съ мужчинами, а потомъ бросали въ воду, загадавши: ежели вѣнокъ поплыветъ, то быть тотъ годъ за мужемъ, а когда потонетъ, то остаться еще дома, а при томъ вмѣшивались тутъ и всякія любовныя дѣйствія въ честь и жертву идолу Туру.

СИВА, СИБА ИЛИ СЕВА,

богиня Славянъ Варяжскихъ, жившихъ на островѣ Рюгенѣ; изображали ее нагою, волосы висѣли назади до подколѣнокъ, въ правой рукѣ держала яблоко, а въ лѣвой гроздъ виноградный, признавали ее богинею произрастеній, и приносили жертву.

СИЛЬНЫЙ БОГЪ.

Славяне такъ называемый истуканъ именовали еще и крѣпкимъ богомъ, его представляли въ видѣ человѣка, въ правой рукѣ держалъ онъ копьецо, въ лѣвой серебряный шаръ; а при ногахъ его лежали человѣческая и львиная головы.

СКОПА,

птица. Простолюдины увѣряютъ, что она имѣетъ ядъ въ своихъ когтяхъ, и когда къ кому оными прикоснется, то уже избавиться отъ смерти никакимъ образомъ не возможно.

СКОРОМЬ.

Нѣкоторые простаки поставляютъ за великой грѣхъ выговорить въ посты слово: мясо, и когда случится въ разговорѣ необходимость произнести это слово, то приговариваютъ всегда: *помяни, Господи, на Свѣтло Христово Воскресенье* или *на Рождество Христово*, то есть на тотъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ разговѣнье.

СОБОЛИНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Промышленники, бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей не называютъ своимъ именемъ, вѣря, что отъ того дѣлается въ ловлѣ несчастіе, когда всякую вещь будутъ называть собственнымъ именемъ.

СОВА.

Эта бѣлая птица почитается Калмыками предвѣщающею и святою, и состоитъ у нихъ въ великомъ почтеніи.

СОЛНЦЕ ИГРАЕТЪ.

Увѣряютъ, что на Свѣтлое Воскресенье солнце, при восхожденіи, играетъ въ видѣ трясенія, и многіе для смотрѣнія того сидятъ въ то время на колокольняхъ, на горахъ или иныхъ высокихъ мѣстахъ. Мордва называетъ солнце *Чи-Пасомъ* и, почитая его за бога, жертвуетъ всякій ему хозяинъ у себя на дому птицами, пирожнымъ и хмѣльными напитками.

СОЛЬ.

Соли за столомъ подавать другому не должно, ибо вѣрятъ безъ сомнѣнія, что то бываетъ причи-

нюю ссоры, и когда необходимо случится то сдѣлать, то принимая велятъ разсмѣяться, отъ чего будто вся сила предвѣщанія ссоры разрушится.

СОНЪ.

Соннымъ мечтаніямъ столько же суевѣры вѣрятъ, сколько и цыганскимъ предвѣщаніямъ. Видѣнная во снѣ гора значитъ, что на яву будетъ горе; рѣка—рѣчи; дѣвица—диво; мертвецъ—снѣгъ; мѣдныя деньги—слезы; лошадь—врагъ; собака—другъ; кровь—родство; кало—деньги и проч.

СОРОЧИНЫ.

Въ третій день по погребеніи усопшаго Черемисы ѣдятъ на могилѣ, также какъ и въ первый день лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ случилась кончина, за горящими восковыми свѣчами, блинами, и посылаютъ нѣсколько кусковъ и на могилу. Также празднуютъ и въ сороковой день.

СОРОЧКА.

Вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорочкѣ почитается отъ простолюдиновъ весьма счастливымъ,

отъ чего и произошла пословица: *въ сорочкѣ родился.* Сію сорочку, снимая, кладутъ въ маленькій кошелечикъ или мошоночку и привязываютъ на снурокъ младенцу, на которомъ обыкновенно носимъ крестъ; эта мошонка называется ладонкою, вѣря, что счастіе отъ того младенца въ присутствіи той сорочки никогда уже не отойдетъ.

СОЧЕВНИКЪ.

Сіи дни преданіемъ церковнымъ установлены для пощенія, что и названіе значитъ, и набожные люди въ эти дни воздерживаются отъ пищи, до звѣзды, то есть, до захожденія солнечнаго; но наши простаки перемѣняютъ то въ иное, и вставая рано, смотрятъ на звѣзды, которыя восхожденіемъ солнечнымъ помрачиться еще не успѣли, и тутъ принимаются за пищу, не поставляя себѣ преступленіемъ сего преданія и говоря, что они ѣли при звѣздѣ.

СТОЛЪ.

Когда сядутъ за столъ тринадцать человѣкъ, то должно одному непремѣнно выдти вонъ, или четырнадцатаго добавить, а тринадцати обѣдать никакъ нельзя, по увѣренію суевѣровъ, которые желаютъ вы-

водить изъ того великія бѣды. Также ежели кто просыплетъ за столомъ соль, то предвѣщаютъ изъ того неограниченную домашнюю ссору.

СТРИБА,

божество древнихъ Славянъ язычниковъ. Въ Кіевѣ имѣлъ онъ храмъ и приносимыя жертвы.

СТѢНЫ ТРЕЩАТЪ.

Ежели въ какомъ домѣ, хотябъ то и въ новомъ было,—трещатъ стѣны, то значитъ, что изъ сего дома живущимъ въ скоромъ времени перебираться должно.

СТЕФАНОВЪ ДЕНЬ,

то есть день Святаго первомученика Архидіакона Стефана. Въ оный день въ обыкновеніи лошадей поить черезъ серебро.

СТУДЕНЕЦЪ.

Такъ называлось священное озеро, бывшее на островѣ Ругенѣ въ густомъ лѣсу; оно изобиловало ры-

бою; однако никто не смѣлъ ни одной рыбы поймать, почитая ихъ святыми; а ежели кто преступалъ сію заповѣдь, то весьма жестоко былъ наказываемъ. Славяне почитали также многіе ключи, источники, озера, рѣки и колодези святыми, приносили водамъ ихъ жертвы, ожидая плодородія. Для здравія своего и святости рѣкъ, по вскрытіи, купались въ оныхъ, не смотря ни на какую холодную погоду, даже дѣлали то и во время жестокой зимы, отъ чего и нынѣ есть, что въ день Богоявленія купаются въ прорубяхъ, не смотря на жестокость мороза, а отъ того многіе простудившись умираютъ; но сіе почитаютъ необходимымъ тѣ, кои въ Святки на игрищахъ наряжались чертями, или надѣвали на себя, въ такъ-называемыхъ ими интермедіяхъ, хари.

ТАБАКЪ.

Раскольники траву сію почитаютъ проклятою, и ставятъ въ тяжкій и непростительный грѣхъ ея употребленіе. Когда случится кому въ ихъ избѣ курить табакъ, то они послѣ его курятъ трои сутки безпрестанно ладономъ; а гдѣ упало нѣсколько крошекъ онаго, то тѣжь трои сутки скоблятъ и моютъ оное мѣсто, дабы не токмо его, но и духъ или запахъ оный вывесть совершенно.

ТАРАКАНЫ.

Эту гадину почитаютъ предчувствующею, и когда въ которомъ домѣ быть пожару, то увѣряютъ, что всѣ тараканы дни за два изъ того дома станицами выходятъ.

ТУРЪ.

Славяне признавали сего идола богомъ сладострастія, который на всѣхъ веселыхъ пиршествахъ и игрищахъ имѣлъ не послѣднее мѣсто. Въ честь сего бога особый праздникъ установленъ былъ, который и нынѣ отправляется и называется Семикъ, въ который, при многомъ обжорствѣ и питьѣ, часто бабами забывается благопристойность.

УГОРЬ,

рыба. Простые люди не ѣдятъ угря никогда и говорятъ, что тогда только ѣсть его можно, когда въ семи городахъ рыбы отыскать будетъ не возможно.

УЖЪ.

Въ сѣнокосъ и другую рабочую пору, когда люди имѣютъ свой отдыхъ посреди поля или въ

лѣсахъ, ищутъ всегда такихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужи. Тутъ уже спятъ безопасно отъ вредныхъ змѣй, которые къ соннымъ приходятъ, и въ оплошности вползаютъ въ ротъ къ человѣку, ибо ужъ такихъ змѣй отгоняетъ прочь, и не отходитъ отъ человѣка; а иногда вползаетъ и ложится на грудь, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ проснется. Когда кто нечаянно на ужа наступитъ и успѣетъ сказать: *ахъ, невзначай*; то ужъ, хотя бы былъ и уязвленъ, не ужалитъ. Впрочемъ почитаютъ его весьма ядовитымъ, такъ что никто его угрызенія вылечить не можетъ; но все спасеніе уязвленнаго состоитъ въ томъ, ежели онъ успѣетъ окунуться въ воду прежде ужа.

УКСУСЪ.

За столомъ уксусу одинъ другому не подаютъ, вѣря, что это будетъ причина ссоры; а когда необходимо случится то сдѣлать; то велятъ разсмѣяться, и отъ того предвѣщаніе ссоры опровержено будетъ.

УРИЛЫ ДОЧЬ,

божество южныхъ Камчадаловъ. Эти боги ихъ ничто иное, какъ колья съ обтесанными головками,

лежащіе въ юртѣ по грядкамъ, и почитаются вмѣсто Хантаевъ.

УРОДЪ.

Якуты почитаютъ всѣхъ, то есть человѣческаго, звѣрскаго, скотскаго, рыбьяго, птичьяго и насѣкомыхъ рода уродовъ сущими дьяволами, и стараются всѣми силами и съ великою боязливостью отъ нихъ избавиться.

УСЛАДЪ ИЛИ ОСЛАДЪ,

древнее языческое божество Кіевское, котораго Славяне признавали богомъ пированій и всякихъ роскошей.

УТКА КРАСНАЯ.

Эту птицу Калмыки почитаютъ за святую, и увѣряютъ, что она есть попъ всѣхъ птицъ.

УТОПАЮЩАГО

избавить отъ потопленія у Камчадаловъ почитается за грѣхъ, ибо вѣрятъ, что кто его вытащитъ изъ рѣки, тотъ утонетъ непремѣнно самъ, также,

освободить занесеннаго въ дорогѣ снѣгомъ почитается за тяжкій грѣхъ.

УШИ ГОРЯТЪ.

У кого горятъ уши, того гдѣ-нибудь въ то время переговариваютъ, то есть, пересмѣиваютъ; когдажь въ ушахъ звенитъ; то, загадавъ что-нибудь, спрашиваютъ: въ которомъ ухѣ звенитъ? И когда отгадаютъ, въ которомъ ухѣ звенитъ, то непремѣнно загаданное сбудется.

ФИЛИНЪ.

Птица сія почитается предвѣстницею пагубы, и когда, прилетѣвъ на кровлю чьего-либо дома, станетъ кричать, то кому-нибудь изъ того дома умереть вскорѣ, или чувствовать бѣду. Суевѣры носятъ при себѣ ея когти, дабы привести себя въ безопасность отъ чародѣйства.

ФРАНКМАСОНЫ.

Эти изображенія простолюдины называютъ дьявольщиною, и вѣрятъ, что если кто, записавшись въ масоны, послѣ раскается и захочетъ обратиться на

истинный путь, то бываетъ отъ нихъ застрѣленъ, дабы не открылъ ихъ тайны, слѣдуюшимъ образомъ: Когда принимается онъ въ сіе братство, то прежде всего даетъ имъ рукописаніе его кровію и рукою; а потомъ списываютъ съ него портретъ, и когда онъ имъ измѣнитъ или, раскаявшись, захочетъ отстать, то стрѣляютъ они въ его портретъ, и гдѣ бы тотъ человѣкъ ни былъ, конечно будетъ убитъ, и въ то самое время и мѣсто, гдѣ пуля прошибетъ портретъ.

ХАНТАЙ,

божество Камчатское. Идолъ его дѣлается наподобіе Сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а оттуда рыбою, и ставится обыкновенно въ юртѣ подлѣ огнища. Сей Хантай ежегодно дѣлается новый во время грѣховъ очищенія, и ставится съ старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ ея построенія.

ХРИСТІАНИНЪ.

Лицемѣръ въ однихъ только наружныхъ поступкахъ и обрядахъ является богобоязливымъ; а въ

самомъ дѣлѣ главную далжность человѣка христіанина, то есть, любовь къ ближнему пренебрегаетъ.

ЦАРЬ МОРСКОЙ.

Славяне язычники подъ симъ именемъ признавали бога обладателя морями и находящимися въ оныхъ животными.

ЦАЦА.

Такъ называются молитвенныя у Калмыковъ капища, которыя къ каждому торжеству дѣлаются новыя, а прежнія ихъ богомольныя мѣста или сборища назывались Кидъ.

ЦВѢТЫ ПЛАТЬЯ.

Цвѣты матерій, изъ коихъ дѣлаются платья, значатъ также нѣчто: напримѣръ, бѣлый чистоту, черный печаль и проч.; зеленаго носить въ городѣ не можно, а краснаго въ полѣ. Также должно имѣть цвѣты, платье сообразно съ лѣтами человѣка. Красный цвѣтъ въ особенномъ почтеніи у всѣхъ Татаръ, и какъ бы ни худо кто имѣлъ платье изъ ихъ Князей, однако всегда будетъ у него кармазинный красный кафтанъ, для церемоніальныхъ случаевъ. Мурзы ихъ, которые нѣсколько выше простонаро-

дья, лучше не будутъ имѣть рубахи, нежели красного кармазиннаго кафтана. Знатныя женщины сего народа не думаютъ о себѣ, что онѣ хорошее имѣютъ платье, ежели не имѣютъ краснаго, кармазиннаго кафтана. Самые простые люди изъ Татаръ стараются носить изъ краснаго сукна кафтаны, буде они нѣсколько другихъ побогаче; хотя бы то было и изъ простаго сукна. Сіе пристрастіе къ красному сукну распространяется до идолопоклонническихъ Сибирскихъ народовъ, изъ которыхъ главные думаютъ, что пребогатую имѣютъ одежду, когда они смогутъ сдѣлать красный кафтанъ, такъ, что по всему Азіатскому сѣверу больше всего можно сдѣлать съ кускомъ краснаго сукна, нежели въ четверо противъ того съ деньгами.

ЦЫГАНЕ,

для обмана простаго народа въ предсказаніяхъ, и для другихъ плутовскихъ ихъ намѣреній, портятъ свой языкъ, выговаривая слова наизворотъ, переставляя буквы и прочее.

ЧАРОДѢИ.

Самоѣды въ этомъ искусствѣ такъ бываютъ отмѣнны, что многихъ принуждаютъ тому дивиться.

Они пребываютъ въ почитаніи нѣкоторыхъ изъ дерева неискуссно вырѣзанныхъ фигуръ, человѣческихъ, звѣриныхъ, рыбьихъ, птичьихъ и прочихъ, также и отрубленныхъ головъ и ногъ отъ дикихъ звѣрей, которыя они въ лѣсахъ вѣшаютъ и имъ молятся. Старѣйшими между ними почитаются ихъ попы, которые, по ихъ вопросу, должны волю боговъ объявлять, будущее напередъ сказывать и какъ говорятъ, всякія чародѣйскія хитрости наподобіе кощуновъ показывать. У нихъ былъ золотой идолъ наподобіе старой бабы, который потому Золотой бабой названъ, что на всѣ вопросы, предлагаемые ему попами, отвѣчалъ, также и будущее счастіе или несчастіе напередъ объявлялъ. Но какъ послѣ того оную землю прилежнѣе изслѣдовали, то нашлось, что всѣ объявленія о семъ идолѣ только за басни почитать надлежитъ. Въ провинціи Обдарьѣ, недалеко отъ устья рѣки Оби, есть нѣкоторый дикій камень, который своею фигурою подобенъ старой бабѣ, съ подобраннымъ платьемъ, ребенка на рукахъ держащей; но можетъ быть, что фигура сего камня больше художествомъ такъ сдѣлана была. Эта то-фигура, думаютъ нынѣ, къ баснѣ о помянутомъ Самоѣдскомъ идолѣ поводъ подала, а особливо когда примѣчено было, что Обдарскіе Самоѣды въ сей странѣ, которая къ рыбной ловлѣ очень способна была, часто собирались.

Самоѣды одѣваютъ тѣхъ идоловъ, которыхъ они въ своихъ лѣсахъ вѣшаютъ, всякими мѣхами, и кладутъ на нихъ, по своему обыкновенію, малый уборъ. Для ихъ священническихъ обрядовъ и чародѣйства можетъ то служить, что о Самоѣдахъ не далеко отъ Печоры примѣчено. Когда они изъ одного мѣста въ другое переѣзжать хотятъ, то собираются всѣ родственники одной семьи вмѣстѣ, и приносятъ жертву всѣ въ одной палаткѣ. Старѣйшій изъ нихъ, который въ лицѣ священника бываетъ, начинаетъ тогда въ волшебный барабанъ бить, который только съ одной стороны кожею обтянутъ. Барабанныя палки, на пядень, съ одного конца круглы и кожею обшиты, на головѣ у него бѣлый вѣнецъ, а лице покрыто одною частью рубашки, на которой навѣшены многіе малые зубы и ребра рыбьи и звѣриные, потомъ начинаетъ онъ такъ кричать, какъ напримѣръ: въ Англіи и Голландіи, матросы, во время радости, или какъ охотники на гончихъ собакъ; а тѣ, которые съ нимъ въ собраніи, кричатъ за нимъ: Икга, Икга, Икга. Этотъ крикъ попъ и собравшіеся съ нимъ нѣсколько разъ съ ряду повторяютъ, и до тѣхъ поръ не перестаютъ, пока самъ попъ будто бѣшеный, замертво навзничь не упадетъ, при чемъ онъ кромѣ рубахи покрытъ не бываетъ. Когда у нихъ о причинѣ того спрашивали, почему ихъ попу то случается? то отвѣчали они, что ему

въ это время отъ боговъ откровеніе о томъ дѣлается, что имъ предпринимать, и куда ѣхать надлежитъ. Потомъ всѣ, при томъ стоящіе, закричали трижды: Окгао, Окгао, Окгао; въ это время попъ свою голову приподнялъ, но опять положилъ.

Напослѣдокъ онъ всталъ, и опять по прежнему закричалъ, на что присутствующіе отвѣтствовали: Икга, Икга, Икга. По семъ велѣлъ попъ пять великихъ звѣрей убить, и вмѣстѣ съ предстоящими опять кричать началъ, потомъ взялъ онъ кинжалъ, по обыкновенію нашихъ фигляровъ, оный до половины въ тѣло воткнулъ, не учиня себѣ чрезъ то никакой на тѣлѣ раны, а крикъ между тѣмъ, какъ отъ него, такъ и отъ предстоящихъ безпрестанно продолжался. Онъ положилъ также этотъ кинжалъ въ огонь, и его такъ долго не вынималъ, пока онъ весь не разгорячился, а потомъ его къ себѣ за пазуху сунулъ, и не далеко отъ пупа въ тѣло такъ глубоко воткнулъ, что конецъ онаго сзади высунулся. Вынувъ этотъ кинжалъ изъ тѣла, сѣлъ онъ опять безъ всякаго вреда, потомъ поставили они на огонь котелъ съ водою, и при томъ опять очень громко кричали, а сколько времени тотъ котелъ стоялъ на огнѣ, столько они и молчали, между тѣмъ приготовленъ былъ стулъ, на которомъ попъ въ то время, какъ вода кипѣла, снявши съ головы украше-

ніе и рубаху, и сложивши накрестъ ноги, сѣлъ. Въ это время попъ началъ опять кричать, а потомъ завязалъ онъ у себя около шеи и подъ лѣвымъ плечемъ маленькимъ узелкомъ тоненькую веревочку, которая была изъ сайгачей кожи свита, длиною сажени въ четыре, а концы той веревки велѣлъ онъ держать двумъ человѣкамъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда помянутый котелъ съ кипяткомъ предъ поповскимъ стуломъ поставили, и попа, а также и котелъ большимъ полотномъ покрыли, то стали оные два человѣка за ту веревку такъ долго тянуть, пока они концовъ вмѣстѣ не сведутъ. Тогда всѣмъ присутствующимъ слышно было, что въ тотъ котелъ нѣчто упало; а когда спросили, что упало? тогда Самоѣды отвѣчали, что упала голова, плечо и лѣвая рука попова, которую у него отъ тѣла веревкою оторвало, потому что она узломъ завязана была, и что ежели кто на того попа въ этомъ состояніи смертными глазами посмотритъ, тотъ тотчасъ же умретъ. Они при томъ опять также, какъ и прежде, часто кричали: Окгао, Окгао, Окгао; а между тѣмъ изъ поповскаго платья дважды человѣческій перстъ высовывался. Сказывали, что это есть нѣкоторый звѣрь, котораго имени они не знали, или сказать не хотѣли; напослѣдокъ попъ, поднявши голову, всталъ, и тѣмъ сію церемонію окончилъ, не объ-

являя Самоѣдамъ ничего, что до ихъ будущаго состоянія касается, понеже попы откровенія боговъ тайно содержатъ, а народу оныя только по частямъ объявляютъ, и только тогда, какъ онъ о какихъ будущихъ случаяхъ спрашиваетъ, и въ то время онымъ попамъ всякъ во всемъ послѣдуетъ.

Впрочемъ чинятъ оные попы еще иныя многія чудныя тѣлодвиженія, когда они у своихъ сокровенныхъ боговъ отвѣтовъ просятъ, часто кладутъ они ножъ совсѣмъ въ горло, или многожды кажется, будто они то дѣлаютъ; но вмѣсто того, чтобъ имъ оный ножъ проглотить, уходитъ онъ въ черенъ, когда они оный давятъ, потому что такой ножевой черенъ у нихъ, по обыкновенію фигляровъ, внутри пустъ дѣлается. Они также и на своихъ товарищей руки возлагаютъ, которыхъ они до полусмерти давятъ, а потомъ, отправивъ предъ своими богами нѣкоторыя церемоніи, оныхъ опять оживляютъ.

Тѣ Самоѣды, которые живутъ близъ канала Вайгачъ, имѣютъ еще особливое обыкновеніе, которое также сюда надлежитъ. Въ день Святаго Николая Чудотворца, отъѣзжаютъ они по тому каналу отъ новой земли, въ такомъ разстояніи, сколько днемъ уѣхать можно. Тамъ есть у подошвы нѣкоторой горы одна яма, глубиною въ десять саженъ. Около

этой ямы стоятъ скамьи, на которыхъ Самоѣды своихъ разныхъ идоловъ поставили, и главнѣйшій изъ тѣхъ идоловъ величиною есть въ человѣка малаго роста. Самоѣды тамъ ходятъ за охотою, и перваго звѣря, котораго своими стрѣлами застрѣлятъ, отвозятъ къ помянутой ямѣ, сдираютъ съ него кожу, и оную на главнѣйшаго идола надѣваютъ, а мясо бросаютъ въ яму. Они ловятъ иногда также и живыхъ звѣрей, какъ то: оленей и гайгачей, и бросаютъ въ ту яму, и ежели такой звѣрь до смерти ушибется, то за счастливый знакъ доброй ловли почитаютъ; ежели же такой въ яму брошенный звѣрь еще живъ будетъ, то думаютъ, что имъ въ томъ мѣстѣ счастія въ ловлѣ не будетъ, и того ради оттуда на другое мѣсто для ловли отходятъ.

ЧЕРВЕЦЪ ИЛИ КАМАХА.

Въ праздникъ Казанскія Богородицы, то есть 8 число Іюля, увѣряютъ, что бываетъ отмѣнное чудо. Въ нѣкоторый день красный Червецъ или вылупившіяся изъ пузырьковъ насѣкомыя, называемыя Камаха, собираются изъ всѣхъ окольныхъ странъ къ одному кусту, и когда кто въ день Казанскія Богоматери, то есть 8 Іюля, встанетъ на разсвѣтѣ, и пойдетъ въ поле искать Камахи, то предоставляется ему счастіе найти таковое сокровище.

ЧЕРНЫЯ КНИГИ.

Такъ называются мнимыя волшебныя книги, которыя содержатъ въ себѣ дьявольскія навожденія; онѣ написаны волшебными знаками, а большею частію нолями или кружками; находятся всегда у волшебниковъ, по которымъ призываютъ они дьяволовъ; когда же попадутъ они нечаянно не колдуну, то какъ скоро откроетъ онъ ихъ, то приступитъ множество чертей, и начнутъ просить работы. Когда не можетъ онъ имъ дать работы, или и даетъ, да легкую, которую они тотчасъ сдѣлаютъ, то утащатъ его въ адъ; а чернокнижники, зная по ихъ наукѣ, какихъ черти работъ окончить не въ состояніи, такія имъ и даютъ; напримѣръ: приказываютъ имъ вить канаты изъ песку, воды, или изъ солнечныхъ лучей, и таскать оными китовъ изъ моря, или другія какія тяжести, то черти болѣе къ нимъ и не пристаютъ, понеже и за то наказаны бываютъ, что сдѣлать не умѣли.

ЧЕТВЕРТОКЪ ВЕЛИКІЙ.

Въ этотъ день дѣтямъ стригутъ волосы съ тѣмъ предувѣреніемъ, что оные отъ того больше ростутъ, а у отрока въ жизни его не болитъ голова.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Такъ называется Понедѣльникъ, на первой недѣлѣ Великаго поста. Во многихъ городахъ поутру собираются кучами ребята, и держа въ рукахъ ухваты, кочерги, помелы и сковородни, обернутыя тряпицами, кричатъ, подходя къ каждому дому: Мы масляницу прокатали, Святые вечера проиграли, мы Рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша масляница дорогая, гдѣ ночесь ночевала, подъ кустомъ на дорожкѣ, ѣхали скоморошки, вырѣзали по пруточку, сдѣлали по гудочку, и вы гудочки не гудите, и вы масляницу не будите.

ЧИХАТЬ.

Когда придетъ кому какая-нибудь въ голову мысль, а случится, что въ то время нечаяннымъ образомъ другой чихнетъ, то это значитъ, что задуманное дѣйствительно сбудется.

ЧУРЪ.

Славяне язычники признавали сего бога хранителемъ межей, полей и пашенъ, и оный больше всѣхъ прочихъ боговъ имѣлъ власти надъ чертями.

ШАМАНЫ,

большею частію, бываютъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ во обычаѣ, но у Калмыковъ нѣтъ особливыхъ Шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, а всякая баба, а наипаче старуха, и всякій Коехчучъ волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни платья, нарочно для того сдѣланнаго, не надѣваютъ, какъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаѣ, но нашептываютъ на рыбью шаглу, на сладкую траву, на тоншичъ, и тѣмъ лечатъ болѣзни, отвращаютъ несчастіе и будущее предвозвѣщаютъ, а какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того, какъ важной ихъ тайны, вывѣдать не возможно.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ къ ногѣ крапивную нитку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу, если ей ногу поднимать легко покажется, то сіе почитается за счастливое предзнаменованіе и за будущій благополучный успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за несчастливое; между тѣмъ призываетъ

бѣсовъ къ себѣ словами: Гушъ, Гушъ, и скрежещетъ зубами, а какъ явится привидѣніе, то захохотавши кричитъ: Хай, Хай. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ: Шни, то есть, нѣтъ; а другая баба, какъ ея помощница шепчетъ надъ нею и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилежно бы примѣчала явленія, и содержала бы въ памяти, что загодала. Нѣкоторыя сказываютъ, что во время грома и молніи Билюкай къ Шаманкамъ сходитъ, и веселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадыват.

Если сдѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ счастія въ промыслѣ, тотчасъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, бываютъ причины, отъ чего произошло такое зло, и предписываются средства къ отвращенію. Заваждую причину вмѣняется преступленіе какого-нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившій долженъ вырѣзать болванчикъ, отнести въ лѣсъ и поставить на дерево.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичемъ, обвязываютъ перевязками, отговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютъ непристойности.

Если младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманятъ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ. Въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руки раковину морскую, которую ему поднявъ къ верху, должно обѣгать вкругъ юрту, балаганъ и собачьи конуры, говоря слѣдующія слова къ Билюкаю и къ другимъ врагамъ: Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, а мнѣ отъ мокроты придется погибнуть, видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу. По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ слѣчаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ образомъ гадаютъ они трудныя сновидѣнія: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что поутру самое первое у нихъ дѣло разсказыватъ сны, разсуждать и заключать изъ того о счастіи и злополучіи. О нѣкоторыхъ снахъ они имѣютъ вѣрныя и непремѣнныя правила, какъ напримѣръ, если вшей видятъ, то безъ сомнѣнія на другой день ожидаютъ къ себѣ козаковъ, и испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа; плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается счастіе въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ хиромантіи, и разсуждаютъ о счастливыхъ и несчастливыхъ приключеніяхъ по линіямъ на рукѣ, но правила свои втайнѣ содержатъ. Если у кого появится на рукѣ точка, пятно или линія, или вдругъ пропадаетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой Шаманки.

ЮБКА.

Ежели у женщины, при надѣваніи юбки, нѣсколько подола останется завороченнымъ, то сіе предвѣщаетъ, что ей въ тотъ годъ родить неотмѣнно сына или дочь.

ЯГА-БАБА.

Подъ симъ именемъ почитали Славяне адскую богиню, изображая ее страшилищемъ, сидящимъ въ желѣзной ступѣ, и имѣющую въ рукахъ желѣзный пестъ; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, коихъ ей присвояли, и услаждается при томъ и сама пролініемъ крови.

ЯИЦА.

Когда занимаетъ кто яицъ у кого для носѣдки, то черезъ воду, то есть, рѣку или каналъ переноситъ

ихъ не должно, увѣряя, что плода отъ нихъ ожидать уже не возможно; а когда кладутъ яица подъ насѣдку, то полагаютъ прежде въ шапку, и изъ ней уже подъ курицу, вѣря, что отъ того всѣ цыплята будутъ мохноногія и съ хохлами. Дѣлаютъ еще и другое, но здѣсь сказать о томъ не прилично.

ЯЧМЕНЬ НА ГЛАЗУ.

Когда такимъ образомъ заболитъ у кого глазъ, то тотчасъ велятъ подносить къ тому глазу кукишъ и говорить слѣдующія слова: ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то купишь, купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперегъ, и увѣряютъ, что болѣзнь отъ того тотчасъ пройдетъ безъ всякихъ лекарствъ.

КОНЕЦЪ.

2007088601